

Михаил Рожков

А.В. Афанасьев

**Балалайка –
ЖИЗНЬ МОЯ**

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЖЕНЦЫ

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЖЕНЦЫ

Михаил Рожков

А.В. Афанасьев

**Балалайка –
ЖИЗНЬ МОЯ**

Под редакцией Н.И. Рожковой

Москва 2008

Книга А. Афанасьева «Балалайка — жизнь моя» рассказывает о жизни и творчестве народного артиста России Михаила Федотовича Рожкова, знаменитого балалаечника, исполнительское искусство которого сравнивают с виртуозностью Паганини. В книге ярко отражены все этапы становления личности музыканта, формировавшейся на фоне исторических событий страны, приведены восторженные отзывы о нем коллег по цеху, слушателей и учеников. Издание предназначено для широкого круга читателей.

Жемчужина Преображенки

*С.Ю. Губин,
глава управы
района
Преображенское.*

Преображенское — особый район Москвы, который славен своими историческими традициями. Многие на Преображенке произошло впервые. Именно здесь, на реке Яузе, Петр I спустил на воду ботик, положив начало российскому флоту. Преображенка — родина русской регулярной армии. Первый русский профессиональный театр появился на Преображенке. Первая приказная изба — прообраз тайной канцелярии — тоже основывалась на этой территории. На Преображенском кладбище был зажжен первый в Москве Вечный огонь, наш ДК МЭЛЗ — родина КВН.

Но главное наше богатство — конечно же, люди. Мы гордимся тем, что в нашем районе живет Михаил Федотович Рожков, звезда первой величины, жемчужина русского искусства, великий музыкант, всю жизнь пропагандирующий безграничные возможности исконно нашего, народного, инструмента — балалайки.

Рожков! Известнейшее в стране и за ее пределами имя. Блестящий музыкант, обладающий невероятным даром извлекать из трех струн столько огня, страсти, певучести. Мое поколение воспитывалось на замечательных фильмах «А зори здесь тихие...», «Вечный зов», «Тени исчезают в полдень», где звучала балалайка Рожкова. Забыть ее голос было невозможно.

Можете представить себе мои чувства, когда я узнал, что Михаил Федотович Рожков живет в Преображенском!

Мы часто встречаемся с Михаилом Федотовичем. Рассказчик он не менее замечательный, чем исполнитель. Недаром музыкальную часть своих выступлений успешно перемежает с разговорной! Он обладает удивительным чувством юмора, как, наверное, и положено гениальному человеку: он многогранен в своих талантах. Он прошел всю войну, имеет фронтовые награды. Жизнь Михаила Федотовича — удивительный путь к высокому искусству. Его, родившегося в знаковом 1918-м, не тронули суровые ветры нового

времени. Голод, репрессии и пули обошли стороной. Судьба хранила Рожкова от бед. Берегла как народное достояние!

Мы думаем о создании музея Рожкова. В его коллекции собраны подлинные раритеты — балалайки, концертные афиши с легендарными именами, огромное количество уникальных фотографий, запечатлевших мастера с не менее именитыми поклонниками его искрометного таланта. Михаил Федотович очень хочет, чтобы это наследие принадлежало всем любителям музыки.

Книга, которую вы держите сейчас в руках, бесспорно, ожидаема. Остается только по-хорошему позавидовать читателям, ведь у них впереди — знакомство с удивительным человеком, по-прежнему полным сил, душевного подъема и грандиозных планов!

Октябрь 2008 г.

Предисловие

Перед вами второе, расширенное издание монографии, посвященной знаменитому балалаечнику, народному артисту России Михаилу Рожкову. Более 70 лет продолжается творческая деятельность этого музыканта, и на каждом концерте его уникальный, самобытный дар вновь и вновь удивляет и радует слушателей. За это время артист поистине стал Народным: он приобрёл широкую известность и любовь даже среди совсем далеких от музыки людей, которые однажды пришли на его концерт и на всю жизнь остались его горячими поклонниками.

Существует немало публикаций о Михаиле Рожкове: он хороший рассказчик и всегда охотно даёт интервью. Сведения о нём разбросаны во множестве газет и журналов разных лет, в справочной и мемуарной литературе. Однако полного описания его жизни и творчества до сих пор не существует, и бесчисленное количество фактов, интересных как для многочисленных читателей его таланта, так и для музыкантов, стремящихся перенять богатый сценический опыт Рожкова, до сих пор остается неизвестным.

В предыдущем издании автор предпринял попытку собрать воедино разрозненные свидетельства богатой событиями артистической судьбы. Книга, которую вы сейчас держите в руках, является продолжением этой исследовательской работы.

Во время наших встреч¹, происходивших в течение трех последних лет, Михаил Федотович рассказал мне о своей жизни, которую он целиком посвятил служению любимому инструменту. Балалайка была вместе с ним везде, даже на фронте. Искусство помогало ему выстоять в дни невзгод и лишений, всегда заставляло с оптимизмом смотреть в будущее и радоваться жизни. Это был захватывающий по своей простоте и откровенности рассказ сильной личности, которая неимоверным трудом достигла намеченной цели. Рассказ счастливого человека, занятого любимым делом.

В биографии Рожкова отразилась почти вековая история нашей страны. Сменяют друг друга исторические эпохи, меняется государство и живущие в нём люди, но Михаил Федотович по-прежнему выходит на сцену. Подтянутый, с гордо поднятой головой, с доброжелательной улыбкой, он снова и снова покоряет сердца слушателей своим искусством. За 70 лет его сценической жизни сменилось и несколько поколений музыкантов-балалаечников, которые расширили границы техники и репертуара, но по-прежнему среди них трудно найти музыканта с такой же яркой артистической индивидуальностью.

В чём же секрет Михаила Рожкова? Как сформировалось его уникальное

¹ Беседы автора книги с Михаилом Рожковым происходили в период с 2006 по 2008 гг.

творческое дарование? Остановимся подробнее на некоторых моментах, оказавших решающее влияние на формирование творческого стиля этого исполнителя.

Михаил Федотович родился в деревне Крюковка Нижегородской области. Народная музыка поселилась в душе сельского мальчишки задолго до того, как он услышал и принял сердцем музыку академическую. Русский фольклор впитан Рожковым, что называется, с молоком матери. Не поэтому ли он так органичен в образе исполнителя народных песен и наигрышей? В его выступлениях великолепным образом вплетается речь. Шутки-прибаутки, юмор, сама манера Рожкова держаться на сцене воссоздают народную традицию игры на балалайке — давно забытое нами искусство деревенского скомо-роха-виртуоза.

Вместе с тем, артист интеллигентен и аристократичен — как в жизни, так и в момент выступления. Академическая музыкальная культура, усвоенная им в процессе получения профессионального образования, оказала существенное влияние на его творческое мышление, на понимание большого значения того искусства, которому он однажды принял решение служить. Отсюда его безупречная, филигранная техника игры, безукоризненная посадка, а также трогательная проникновенность исполняемых им лирических мелодий, где балалайка Рожкова, удивляя ярким, насыщенным во всём диапазоне звуком, поет так же выразительно, как скрипка или человеческий голос. К слову, концертные выступления Михаила Рожкова не ограничиваются только музыкой. Он очень любит русскую поэзию и часто включает в свои программы стихи Пушкина, Тютчева, Есенина.

Можно с уверенностью предположить, что среди балалаечников Михаил Рожков занимает первое место по количеству данных концертов. Во время войны он оттачивает свое мастерство, выступая в составе фронтового ансамбля, а после войны начинается его работа в Москонцерте. Музыкант учится взаимодействовать со своим слушателем, «работать на публику». Появляется эффектный сценический образ, в котором виртуозное владение инструментом дополняется профессионально поставленной речью, выразительной мимикой. Открывается новая, эстрадная, грань его творчества.

Репертуар Михаила Рожкова — это музыкальные произведения самых разных стилей и жанров. Выбирая пьесы, он учитывает их популярность у слушателей, реакцию зала во время концертов. Как любой большой художник, Михаил Федотович вольно или невольно переносит на исполняемые им музыкальные произведения часть своей творческой личности. Нередко может что-то и переделать, добиваясь динамического развития, лаконичности и совершенства формы. Благодаря этому репертуар артиста неповторим и уникален. Ему присущ эмоциональный, волевой стиль исполнения, он увлекает за собой слушателей.

Широк круг воплощаемых им музыкальных образов; подчёркнуто блес-

тящее, задорное исполнение плясовых наигрышей сочетается с бесконечным разнообразием звучания балалайки в лирических пьесах.

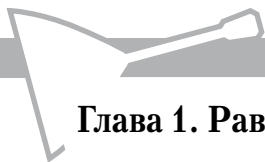
Как же происходит работа Михаила Рожкова?

По свидетельствам его друзей и коллег, он очень долго разучивает новое произведение, прежде чем включить его в свой концертный репертуар. Оттачивая каждую деталь, целеустремлённо добивается безупречного исполнения. Важную роль Рожков отводит выработке правильных двигательных навыков. Ещё одна необходимая составляющая труда Рожкова — вдохновение. Без него, без любви к своему инструменту невозможно выдержать такой напряжённый, изматывающий график репетиционной работы и потом в свежем состоянии приподнятого духа выйти на сцену.

Творчество Рожкова отличается любовью к родной земле, удивлением перед миром и необыкновенной выразительностью художественного образа. Его искусство звучит как гимн жизни, прославляющий гений русского народа. Исполнительское мастерство Михаила Рожкова нашло своих почитателей среди знаменитых деятелей культуры всего мира. Герберт фон Караян, Ван Клиберн, Иегуди Менухин, Жан Марс, Эдуарде де Филиппе, Марсель Марсо, Анна Герман видели в нём олицетворение всего того лучшего, самобытного, что есть в русской культуре.

О признании его таланта в своем Отечестве можно говорить бесконечно. Выступления Рожкова до сих пор неизменно собирают полные залы его восторженных слушателей.

Трудно передать в книге всё обаяние личности Михаила Федотовича. Но автору очень хотелось, чтобы почитатели большого таланта смогли заглянуть «за кулисы» и увидеть замечательного артиста не только на сцене, но и в жизни, а также услышать «из первых уст» историю его интереснейшей судьбы.

Глава 1. Равняйся, смирно!

С волнением набираю телефонный номер, дожидаясь ответа и слышу два голоса — это Михаил Федотович и Надежда Ивановна, супруга, аккомпаниатор и личный секретарь артиста.

— Может быть, сходим в Дом учёных, пообщаемся и заодно поиграем в бильярд? — предлагает мне Рожков. — Директор Дома учёных сказал, что бильярдная всегда к моим услугам.

— Действительно, там много тихих, уютных уголков, где можно спокойно побеседовать, — говорит Надежда Ивановна, — но боюсь, Саша, что там у вас всё и закончится одним бильярдом. Михаил Федотович увлечётся — и его потом от бильярда не оттащишь.

— У меня, Надюша, не так много времени, чтобы тратить его понапрасну. А за игрой в бильярд можно обстоятельно обо всём поговорить.

— Но я никогда не играл в бильярд, — признаюсь я.

— Вот и научисься!

Мы встретились на станции метро «Кропоткинская». Рожков уже ждал меня, рассматривая что-то в витрине киоска. Не заметить его было просто невозможно. Высокая, статная фигура Михаила Федотовича в спортивной шапочке и сером пальто из плащевой ткани выделялась среди спящих людей. Я представлял его себе очень строгим человеком с пронизывающим взглядом, который сразу видит человека насквозь, но с первых слов меня приятно удивила его приветливая доброжелательность. С такими людьми легко общаться, с ними не нужно искать общий язык.

— Тут можно одну остановку проехать на троллейбусе, а можно пешком пройти, о своем здоровье позаботиться. Зачем платить большие деньги за билет, если тут совсем недалеко? — сказал Рожков, и мы отправились пешком.

Шли медленно, и Рожков увлечённо рассказывал мне об этом старинном районе Москвы. Восстановленный Храм Христа Спасителя, древние палаты времён Алексея Михайловича, музей Льва Толстого — всё привлекало его внимание.

— Дом учёных имеет интересную историю. Раньше в здании, где он находится, жила супруга Горького, и туда приходили многие известные писатели. В Доме учёных необыкновенная атмосфера, я стараюсь как можно чаще бывать там. Впервые я переступил его порог ещё будучи студентом, в 1950 году. Меня сюда приводил мой педагог Александр Сергеевич Илюхин, и я в гостиных давал концерты для иностранцев.

— Он вас одного приводил или целую группу студентов?

— Всякое было. И группу приводил, и целиком концерт здесь я давал. Именно тут пробовал свою программу, помню, играл «Фантазию» Сарасате, концерт Барчунова. И здорово играл!

Вошли в вестибюль Дома учёных, Рожков подошёл к столику администратора:

— Почему меня не встречают с оркестром?

Строгая женщина-администратор растерялась:

— А почему мы должны вас встречать с оркестром? Я вас не знаю... Подождите... Ой, так вы, наверное, Рожков? Меня предупреждали, что вы придёте.

— Да, я — Рожков, — не без гордости ответил Михаил Федотович. И добавил, указывая на меня:

— Мы пришли поиграть на бильярде.

Я немного смутился, а Рожков мне шепнул: «Она новенькая».

Администратор любезно пропустила нас дальше. Мы пошли, но неожи-

данно Рожков повернулся, доставая из кармана конфету «Коровка» и протягивая её женщине:

— Угощайтесь!

Строгая дама расплылась в улыбке.

Потом через неприметную на вид дверцу мы попали в лабиринт служебных помещений Дома учёных.

— Запоминай дорогу. Когда потом будешь сюда ходить, это тебе пригодится! — скомандовал Рожков.

Далее следовал длинный проход мимо служебных помещений буфета.

— Привет, девчонки! — по-юношески задорно поздоровался Рожков с буфетчицами. Они тоже получили от него по конфетке.

— Спасибо, Михаил Федотович! Ведь помните, что я люблю сладкое! — проворковала одна из них.

Дошли до диспетчерской, Рожкову выдали ключ от бильярдной.

— Его только мне так просто выдают, по личному распоряжению директора — вот какое доверие! — похвастался он мне.

Вышли из служебных узких помещений в роскошные коридоры со сверкающей позолотой, лепниной, великолепными люстрами и картинами.

Нам встретилась группа девушек, очевидно, посетительниц, но Рожков поприветствовал их не менее радушно. Девушки удивились, но тоже все заулыбались:

— Здравствуйте!

Когда мы поднимались по широкой лестнице, ведущей к двери бильярдной, Рожков, должно быть, почувствовав и мое легкое удивление, сказал:

— С улыбкой надо идти к людям, и тебе тогда ответят тем же. Чтобы понять это, мне пришлось прожить такую долгую жизнь... А ты совсем не умеешь играть в бильярд? — поинтересовался он, когда мы зашли в бильярдную.

— Нет, совсем не умею, — честно признался я.

— Ну, ничего, сейчас быстро научишься. Сначала нам нужно поставить шары, — с этими словами он подошёл к стене, стал снимать с полочки шары и класть их на стол. Пока я растерянно осматривал зал, вся атрибутика игры уже была на местах.

Потом мы взяли два кия, отошли в дальний угол стола, и Рожков рассказал, как надо положить кий на руку и ударять по шару. Я долго в нерешительности вертел кий в руках, прицеливался, пока, наконец, Михаил Федотович не сказал:

— Ладно, ты сначала посмотри, как я это делаю, а потом и сам попробуешь. А то, я боюсь, сукно порвёшь. Кстати, можешь одновременно и свои вопросы задавать, но краем глаза посматривай, как я играю.

И я этим с радостью воспользовался.

— Михаил Федотович, расскажите о ваших родителях.

— Моего отца звали Федот Фёдорович. Он был урядником в деревне Крюковка Лукояновского района Нижегородской области. Крюковка находится в 40–50 километрах от Болдино — места, где Пушкин провёл свою знаменитую Болдинскую осень. У отца было семь сыновей и одна дочка. Девочка в голодные годы умерла. Я самый младший, родился в 1918 году. Мать, Варвара Фёдоровна, до революции не работала, содержала дом, воспитывала кучу детей.

— Вы помните своё детство в Крюковке?

— Долгое время я не знал, что родился в Крюковке. Когда я вернулся с войны и получал документы, то сказал, что я из Нижнего Новгорода. Потом, когда я уже стал знаменитым артистом, выступал на международных фестивалях, в милиции проверяли меня перед поездкой к иностранцам и узнали, что я родился не в Нижнем Новгороде, а в деревне Крюковка Лукояновского района. Когда я был на гастролях в Лукояновском районе, то начальник милиции, который был на концерте, дал мне две машины, и мы всей группой съездили туда и нашли там 96-летнего старика, который жил рядом с нашим домом. Он и говорит: «На этом месте, где теперь стоит памятник воинам, жил Федот, урядник, у которого была куча детей». Я помню эту горку около дома, с неё меня скатывали мальчишки. Вот так я узнал свою малую родину.

— Вы родились в очень непростое для семьи урядника, то есть служащего царской полиции, послереволюционное время. Мало того что институт урядников расформировали. Ведь начиналась эпоха красного террора, и вашего отца могли расстрелять за одно только подозрение в контрреволюции.

— Он был хорошим человеком, и ему сказали крестьяне: «Федот, ты уезжай отсюда сейчас. Революция произошла, всех расстреливают и до тебя доберутся». И он уехал в Нижний Новгород, устроился работать на железную дорогу багажным раздатчиком. Старшие братья жили с отцом, а я с матерью и братом Борисом оставался ещё в деревне. Отец забрал старших, работоспособных.

— Кем работали ваши братья?

— Самый старший брат, Фёдор (1905 года рождения), работал сначала телеграфистом, а потом на башкировской мельнице бухгалтером. Башкиров — это богатый купец, который содержал мукомольную фабрику. На Ромодановский вокзал привозили муку вагонами, и Башкиров для удобства собственного дела построил рядом мельницу. Шикарная была мука: я ел горчичный хлеб, какого никогда теперь больше не попробуешь. Это была сказка! Вся Англия, да что там — вся Европа питалась хлебом, который привозили из

России. Так Фёдор и остался в Нижнем Новгороде и до самой смерти работал главбухом.

Второй брат, Константин, получил образование и стал инженером в Москве на фабрике, где шил портфели, в том числе портфель Сталина с металлической прокладкой.

Третий брат, Евгений, был сапожником, потом он уехал в Ленинград и стал там комендантом аэродрома.

Четвёртый брат, Дмитрий, был прекрасным строителем.

Пятый, Глеб, — машинистом паровоза, а потом стал изобретателем и в соавторстве с Борисом Казанцевым разработал эффективную конструкцию электропневматического тормоза для железнодорожных вагонов, за что ему была присуждена Сталинская премия.

Шестой брат, Борис, стал управдомом в Ленинграде.

— Получается, музыкантом стали только вы. А были ли у ваших братьев музыкальные способности?

— Очень способным музыкально был Глеб. Когда он приехал из Новгорода с молодой женой, то у него с собой была балалайка. Он так заиграл весело! Глеб и на гитаре играл. Он сам научился владеть инструментами.

— Сколько вам было лет, когда вы с матерью переехали в Нижний Новгород?

— Отец меня совсем малюткой забрал, в 3 годика. Помню, ехали мы сначала на телеге, а потом в товарном вагоне, солома там была... Я стоял и сквозь открытую дверь вагона смотрел, как деревья мелькали. Красиво, лето было...

Нижний Новгород (1921)

— В это время отец уже женился на другой. Я жил на улице Павла Заломова, у Ромодановского железнодорожного вокзала, который располагался против Нижегородской ярмарки, через Оку. Здание Ромодановского вокзала существует и сейчас. Мы занимали в Новгороде целый второй этаж в стареньком трёхэтажном доме. Отцу удалось получить как железнодорожнику такую квартиру, в то время это было проще. Тогда он вызвал всю семью, и мать переехала. Я жил с матерью в одной комнатухе, потому что самый маленький был. Внизу, на первом этаже, было общежитие извозчиков, условия ужасные. Извозчики возили с вокзала товар или грузы с Башкирской мельницы.

А у отца сложилась судьба так. Он боялся, что его и в Нижнем Новгороде сцапают, там под наганом водили многих. И, когда прокормиться стало совсем тяжело, он уехал на КВЖД — Китайскую восточную железную дорогу. В те годы строилась дорога, которая связала Москву с Китаем. Через всю

Среднюю Азию проходил этот путь. Пять старших сыновей уже были большие, и отец забрал их с собой.

— Как же вашей матери удалось вырастить вас без мужа? Где она работала?

— Мы жили очень бедно: недоедали, одевались более чем скромно. Мать зарабатывала на жизнь стиркой. Помню: едут сани, нагруженные дровами. Возница спереди, где лошадь, а сзади мы с ребятами сбрасываем дрова, чтобы можно было зимой печку топить. Жили мы недалеко от того места, где Ока впадает в Волгу, у меня не было и нескольких копеек, чтобы заплатить за переправу. И тогда я вместе с мальчишками перебирался через Оку вплавь. Нехитрую одежку на голову — и вперёд! А зимой я брал санки и возил пассажирам поклажу с вокзала, чтобы заработать на хлеб. Было мне в ту пору лет десять.

Школа (1926)

— В первый класс я пошел в школу на Кооперативной улице, сейчас это улица Маяковского. Мне очень не понравилась учительница, она с нами так грубо вдруг заговорила! И я пошел на Нижегородскую ярмарку. Очень была богатая ярмарка Нижегородская! У меня был гривенник в кармане — так я полдня гулял там. Я прямо с утра туда уходил. Думали, в школу, а я — на ярмарку.² Мы там с ребятами понемножку хулиганили, и меня приводили в милицию. Мать шла туда и меня выручала. В школе после первого класса меня оставили на второй год.

— Значит, вашей матери некогда было заниматься вашим воспитанием?

— Она говорила: «Чёрт окаянный, где ты пропадал? Утонешь — так домой не приходи!» А дом-то на берегу Оки. Конечно, ей было очень тяжело без мужа. Мать говорила, что он был очень хороший, красивый, она его любила. Всегда отец носил с собой саблю и наган. Всех урядников расстреливали, а его уважали, его не тронули.³

² Выступление в Арзамасе в 1995 году.

³ Вспоминает Ирина Михайловна Морозова, проживающая в Нижнем Новгороде: «Маму Михаила Рожкова помню очень хорошо. Маленькая, в хлопчатобумажной кофте коричневого цвета, в белом платочке, очень тихая и скромная. Она часто приходила к своему сыну Борису, который жил по соседству с нами». По словам И.М. Морозовой, во время войны Варвара Фёдоровна относилась в церковь все деньги, которые ей присылал её сын Михаил. Может быть, он поэтому выжил на фронте?

— Когда и почему вы попали в детский дом?

— Это произошло в 11 лет. Вместе с братишкой мы были почти беспризорниками и дружили с компанией таких же сорванцов 7–9 лет. Кто-то из них приворовывал на базаре, подталкиваемый голодом. И эти ребята сманили меня в детский дом дневного содержания ребят имени Ансона. Ансон — это латышский большевик, который первый начал организовывать приюты для детей. После школы мы сразу приходили в этот пионердом, там хороший обед был, а после обеда начинались занятия кружков. Мне в этом детдоме страшно понравилось. И постоянная еда, и форма на ребятах, и пионерский отряд с горном и барабаном!

— Помните повесть «Республика ШКИД» Леонида Пантелеева? Детдомовская жизнь, изображённая там, отнюдь не кажется чудесной. Очень сложный, часто криминальный контингент воспитанников, недобросовестные и неквалифицированные воспитатели, материальные трудности... Наверное, жизнь в детском доме показалась вам чудесной только по сравнению с предыдущими лишениями?

— У Макаренко изображены трудные подростки, а у нас были нормальные парни, только малообеспеченные, которые остались без пап, на гражданской войне погибших. Тогда партия и правительство заботились о том, чтобы дети были накормлены, борьба с беспризорностью была. Теперь нам далеко до такого совершенства, какое было тогда. За нашим детским домом смотрел Жданов, который был секретарем партии в Нижнем Новгороде, он следил, чтобы детдом был обеспечен всем необходимым. Мы жили очень хорошо, нас кормили прекрасно, молоко давали нам. В те годы ведь очень трудно было, а у нас всё было на высоте.

— Чем занимались воспитанники в течение дня?

— Весь день был расписан. Работали кружки: драматические спектакли ставили, был кружок юннатов (ухаживали за лошадьёю и за кроликами, которые разводились во дворе), фотокружок, переплётное дело (мы переплетали «Капитал» Карла Маркса), столярное дело (я это очень любил), музыкальный кружок, где я впервые начал играть на струнных инструментах.

На всё лето мы уезжали в пионерлагерь. Размещались в скиту, там раньше был монастырь Оранской Божьей Матери.⁴ Монахов советская власть прогнала и разместила там пионерский лагерь. Трёхэтажное здание в лесу, рядом озеро глубокое, хорошее, холодное, с вышкой для ныряния, где мы купались. Были созданы все условия: был спортивный руководитель, была воспитательница. Старушка-пианистка с нами музыкой занималась. Был у нас педагог-режиссёр, который ставил спектакли. В общем, весь педагогический состав. По тем

⁴ Правильное название — Монастырь Божией Матери Оранты.

временам — шикарные условия. У нас было своё хозяйство: свиньи, коровы, то есть целая ферма, и нас хорошо кормили. Мы ухаживали за растениями, в военные игры играли. Вот в таких условиях мы там жили. Пять раз я ездил в этот пионерский лагерь, пять лет мы там проводили лето. Это были счастливые пять лет!

— Какую роль сыграли эти пять лет в вашей последующей жизни?

— В это время я привык к строгому распорядку дня: был председателем отряда, командовал ребятами, поднимался раньше всех, в шесть утра, привык делать зарядку. Потом, когда я жил в Ленинграде, был студентом и сам уже обустроивался как мог, я постоянно ощущал тот заряд энергии, который был мне дан в этом детском доме. Он помог мне в жизни выстоять. И в армии потом мне было легче, я ведь привык к дисциплине. «Равняйся, смирно!» — эта команда была на всю жизнь дана, потому что потом надо было самому себя организовывать, а я этому уже научился, и это было основным условием моего воспитания.

— Расскажите о своих обязанностях председателя отряда.

— У нас было два отряда по 50 человек, я был председателем младшего отряда. Объявляю в 7 утра подъём — через 3 минуты выстраивается весь отряд по звеньям, 5 звеньев по 10 человек. Я стою, мне докладывают командиры звеньев: «Первое звено построено, второе звено построено...» И когда мне доложили, что все стоят, все на месте, все живы-здоровы, я подхожу к старшему пионервожатому и докладываю о положении дел в своём отряде. Костя — пионервожатый моего отряда, очень хороший парень. Подбирали специально таких надёжных ребят: сильных, здоровых, воспитанных, образованных. Они держали нас в рамках. Условия для жизни, отдыха и работы у всех, кто нами руководил, были хорошие: комнаты имелись и у воспитателей, и у пионервожатых. Поэтому мы были под очень серьёзным контролем.

— Вы знаете дальнейшую судьбу кого-нибудь из воспитанников детдома?

— Я был председателем младшего пионерского отряда, а председателем старшего пионеротряда был Сиротин. Он был старше меня годика на два, после окончания детского дома он поехал учиться в Москву в архивный институт. После окончания института его призвали служить в КГБ, и он всю жизнь там прослужил. Мы редко, но встречались. Он о себе не рассказывал, потому что рассказывать нельзя было ничего. Встречались, вспоминали детские годы понемножечку, выпивали чуть-чуть. Я только когда проходил мимо Лубянки, видел наверху там маленькое окошко комнаты, где он работал. Он приезжал домой в 3 часа ночи: Сталин работал по ночам, и они все со службы ни шагу, а как Иосиф Виссарионович домой — так и товарища моего везут на машине на Маяковку домой. Он жил в квартире на 1-м этаже, у него охрана была. Когда я входил к нему, там за дверью стоял часовой. Его старший брат был секретарём райкома партии.

— Тяга к музыке у меня была с детства. У моих старших братьев была гитара, так когда их нет, я заберусь с гитарой под кровать или за печку, возьму аккорд и наслаждаюсь звучанием. И в школе, ещё до детдома, учитель пения всегда меня очень хвалил за то, что я так чистоенько интонирую, и часто говорил: «Ты бы в музыку попробовал пойти».⁵

— Расскажите подробнее, как проходили занятия в музыкальном кружке. На каких инструментах там играли? Вас учили по нотам или по цифровой системе?

— В детском доме был целый оркестр! Немного и ноты проходили, и на слух играли, и по цифровой системе. Домры, мандолины, балалайки, гитары — лишь бы занять детей. Руководитель кружка, Маянский Виктор Александрович, сам на всём играл понемножку, и он спланировал нас, заинтересовывал. Он даже как-то в пионерский лагерь к нам летом приезжал — молодец он! Мы брали инструменты и играли: по нотам, по-всякому, кто как умудрялся.

— Какой репертуар вы проходили? Насколько я знаю, в репертуаре оркестров народных инструментов того времени преобладали революционные, массовые песни и марши, которые обычно не соответствовали специфике народных инструментов, но зато были созвучны духу времени. Использовал ли руководитель какие-нибудь репертуарные сборники? Ведь в 1930-е годы одна только «Школа коллективной игры на народных инструментах» К. Алексеева переиздавалась четыре раза.

— Репертуар был, конечно, очень примитивный, руководитель сам писал партии для всех инструментов.

— Вас он научил тоже на всех инструментах играть или вы сразу предпочли балалайку?

— Я перепробовал все инструменты подряд и во все по очереди влюблялся. А первая пьеса, которую я на балалайке в оркестре сыграл, — вальс «Амурские волны».

— Когда вы определились с выбором профессии?

— В детском доме я пробыл почти до 16 лет, и надо было определять дальнейшую свою жизнь. Если бы не музыка, я бы обязательно стал военным. Я очень любил военное дело. Недаром у меня в детдоме было полсотни детишек в подчинении.

Евгений, мой старший брат, к тому времени переехал в Ленинград, у дворника под лестницей снимал угол. Вот он-то и прислал мне пятьдесят рублей на поезд, пятачок на трамвай дала мать да товарищ буханку хлеба. У меня не было костюма своего, и Евгений одел меня в матросскую форму. С тем я и отправился в Ленинград. И встал передо мной вопрос, куда поступать: в музыкальное

⁵ «Диалоги. Михаил Рожков — Валерий Петров». // Журнал «Народник».

или военное училище. Решил сначала попробовать в музыкальное, всё-таки в детдоме понемножку баловался на разных инструментах в оркестре. Мне очень хотелось стать музыкантом.

Музыкальный техникум им. Мусоргского (1934)

— Трудно ли было поступить в Музыкальный техникум имени Мусоргского?

— Когда приехал поступать, я был неграмотный по существу. Комиссия спрашивает:

— На чём играете?

Я отвечаю:

— На всём играю. На балалайке играю, — беру балалайку (напевает «Светит месяц» — А.А.).

Комиссия:

— Хорошо, хватит. На гитаре играете?

Сбегал, взял гитару у одного, который пришёл сдавать экзамены на гитаре. Взял её, начал строить — и струну порвал. Тот взвыл! Боже мой, я ему струну порвал! А главное, что комиссия спросила:

— Кем ты хочешь быть, парнишка?

— Я хочу идти во главе колонны и дирижировать оркестром! Чтобы под моим руководством шла колонна! И сам играть хочу.

— Так, ладно. Нахал, но нам такие нужны. Ноты знаете?.. Ну-ка, где нота «ля»?

Я раз — это нота «фа».

— Ну-ка, дайте ему аккорд, — нажали. — Сколько?

— Ой, восемь!

— Нет, только четыре.

Мне показалось, много больно этих нот. Одним словом, меня, неграмотного совершенно, принимают, а некоторых грамотных не приняли в училище. Нам так потом сказал педагог Холодилин: «А нам нужны такие: мало знают, но быстро догонят и перегонят — такие ребяташки боевые». И действительно, я так начал заниматься, что этот ликбез прошёл очень скоро. Я по всем предметам обязан был иметь отличную оценку: если ты круглый отличник, то у тебя повышенная стипендия, не 60, а 90 рублей, а это кое-что значит.

— Как произошёл выбор инструмента?

— Меня сначала уговорили товарищи поступить на домру: «На домре, особенно на четырёхструнной, скрипичная литература, будешь играть классический репертуар!» И я поступил на подготовительное отделение в класс четырёхструнной домры Ильина. Он тогда только закончил это

училище и начал там преподавать. Но проучился я у него всего месяца три–четыре.

Услышал я однажды в одном из классов, как играет на балалайке Паша Нечепоренко. Это было так для меня, мальчишки, удивительно, что я замер, буквально зачарованный звучанием его инструмента. На следующий день я уже был у заведующего нашим отделением Александра Александровича Холодина:

— Сан Саныч, переведите меня на балалайку, ей богу, догоню и перегоню, только переведите!

До конца учебного года оставалось несколько месяцев, и я за эти месяцы прошёл по классу балалайки программу года. Так началась моя балалаечная судьба. На балалайке я стал заниматься, как и Нечепоренко, у Владимира Ио-сифовича Домбровского.⁶

— Расскажите, как вы устроились в Ленинграде.

— Когда я поступил в училище, мне приходилось ночевать то на рояле, то под роялем, то на чердаке — перебивался кое-как. Потом увидели, как я мучаюсь, — и нашлось для меня местечко в общежитии. Мы все к 8 часам бежали в училище и соревновались, кто первым захватит фортепианный класс. Это было моим самым слабым местом: у меня отсутствовала фортепианная подготовка, и мне надо было успеть два часа позаниматься. Остальное время уходило на другие уроки: лекции, хор, оркестр, специальные предметы. Но главное, у меня каждую свободную минуту в руках была балалайка: в коридорах, на чердаке, на кухне (когда она вечером закрывалась). Постоянно искал, где мне притулиться с моей балалайкой.

У нас в комнате жили 6 или 8 человек, и скрипач в том числе. Я у него подглядел упражнения для скрипки Шрадика. И начал по ним заниматься. Мне понравились первые 16 упражнений, я их и гонял. Здорово тренировался, разыгрывался на них! И когда уже после войны я учился в институте и мой педагог Александр Сергеевич Илюхин издавал очередной репертуарный сборник для балалайки, я предложил эти упражнения ему, и он поместил их в свой сборник.

Только я поступил в училище — тут же отправился на Нарвскую фабрику-кухню, чтобы заработать себе кусок хлеба. Я стал кухонным рабочим, это труд тяжёлый. Например, чан с тестом на второй этаж поднять. Я его вёз в лифт. Или дрова. Приезжала машина-двухтонка, полная дров. Я и разгружал их, и бросал в топку. За два года дров нашвырялся так, что у меня мускулатура появилась здоровая, грудь такая... В училище мне во всём шли навстречу, установили свободное расписание, зная, что я работаю. Ведь и ночные смены были... Уставал, конечно, но зато всегда был сыт. И брата своего, Бориса, туда устроил. Ещё он работал дворником в каком-то доме. В общем, выживали как могли.

⁶ «Три встречи с балалайкой». // Журнал «Клуб» № 13, 1980.

— Из класса В.И. Домбровского вышли два ведущих исполнителя, два Народных артиста — вы и П.И. Нечепоренко. Как преподавал Домбровский? Много ли у него было учеников?

— Нас у Домбровского было 5–6 человек. Чем был хорош Домбровский: он не довлел надо мной, он шёл мне навстречу. Я не стал тратить время на пьесы, которые не люблю, а выбирал те, которые меня трогали как музыкальное произведение. Начал с Первого полонеза Андреева. Мне средняя часть очень нравилась — сколько в ней благородства! Андреев выразил всё величие души своей! Домбровский говорит: «Но тебе, Мишенька, не по зубам эта пьеса». Я отвечаю: «Ничего, будет по зубам!» И так настырно, настойчиво работал, выучил — по зубам получилось! Вот, например, «Пиццикато» Делиба я играл с удовольствием, мазурки Андреева мне очень нравились. То есть на мой несовершенный вкус, Андреев был хорош для меня. А Нечепоренко привлекали скрипичные пьесы.

Домбровский был очень человечный. В конце второго или на третьем курсе я поступил в оркестр Андреева. Трояновский был председателем комиссии, и он меня сразу принял. Меня сделали помощником концертмейстера оркестра. Но там шли сложнейшие пьесы, симфонии — надо было хорошо читать с листа. С нами работали профессиональные симфонические дирижеры: Н. Михайлов, Ленец, Э. Грикуров (Грикуров в Малом Оперном был главным дирижёром). Для такого профессионального руководства я был, конечно, слабоват. И как-то концертмейстер отвлёкся, а потом спрашивает меня: «Какой такт?» Я наугад говорю: «Тринадцатый». Он начал считать и, естественно, как врежет невольно! И меня выгнали.

А потом Домбровский говорит: «Миша, я тебя прошу, оставь оркестр! И знаешь что, приходи-ка ко мне обедать, там и поговорим». А у него получилась такая трагедия. Однажды мы пошли в Союз композиторов. Был мороз, а в Ленинграде морозы противные, сырые — заоченеет всё! Мы в троллейбус, перед нами очередь. Однако ж мы успели жену его втолкнуть — и дверь захлопнулась. Троллейбус поехал. Мы остались и пошли пешком: три остановки — ничего особенного. А троллейбус шёл по берегу Фонтанки, и напротив цирка лопнуло колесо. И он упал в реку, пробил лёд, и только часть троллейбуса из воды торчала. А жена Домбровского, поскольку, по счастью, вошла последней, оказалась наверху, среди тех, кто пробил окошко и дышал. Погибли те, кто был снизу. Моментально набежал народ, пожарные, вытащили 9 человек живых, в том числе и её. Дали ей путёвку, и она уехала в Крым в санаторий поправляться после сотрясения мозга. Она армянка была — полная, красивая женщина, он её очень любил. А в санатории нашёлся армянин, и она вышла за него замуж. В общем, не вернулась в Ленинград совсем. Домбровский остался один. Плакал, расстраивался страшно

но. И мне говорит: «Миша, я один сейчас, приходи ко мне, будем вместе питаться». И я бросил оркестр, подал заявление. Домбровский меня вытащил в этом смысле.

— Вот что недавно рассказывал П.И. Нечепоренко об уроках Домбровского: «Владимир Иосифович играл плохоночко на балалаечке. Чему он меня учил? «Павлуша, не идите по легчайшим путям. Выбирайте себе самый сложный путь. Там что-то не получается. Должно получиться». Вот этому он меня научил».⁷

— Домбровский когда играл, он выщипывал, как будто иголки такие. Мне даже нравились эти иголки, но у Нечепоренко был весомый удар, сильный. А я выработал свой удар. И мы когда играли с ним, порой там негде было заниматься, на лесенке, на кухне где-нибудь, и всегда, где слышали балалайку, говорили: «Кто же это играет, Рожков или Нечепоренко?» Мы оба звучали мощно, полно. Все остальные балалаечники в училище нас узнавали, потому что они как-то царапали, а у нас чистейший звук с ним был. Говорили: «Вот, два аса играют!» Но «иголочку» Домбровского я запомнил, она мне понравилась тем, что как бы укалывает звук. Там нет сильного звука, который особенно требуется в плясовых наигрышах. А в каких-то пьесах как раз нужна «иголочка», вот в «Чешской польке» я и теперь ее использую. Много сидел над ней, но выработал всё-таки.

— Каких профессиональных балалаечников вы слышали во время учёбы в Ленинграде?

— В Ленинграде в то время были профессиональные балалаечники: Ульяновский, Успенский. Трояновский — это знаменитость была. И заглядывал иногда, раз в год, Осипов со своим концертом.

— П.И. Нечепоренко уже в те далёкие годы отличался среди сокурсников? Какие у вас с ним сложились отношения?

— Нечепоренко — очень талантливый человек. Злой, настырный. Его в Керчи Николенко обучал и дал ему немало. Он уже там играл «Чардаш», уже имел большой репертуар. Я до сих пор удивляюсь, почему нас всех приняли на подготовительное отделение, когда он уже был такой созревший мастер.

Я всегда к нему относился с полным сердцем, с любовью, потому что благодаря Нечепоренко я услышал впервые, как звучит красиво балалайка: тремоло, пиццикато... Когда он приехал из Керчи, у него по дороге шапка или фуражка слетела. А я уж если полюбил человека, подружился с ним — я готов разделить с ним всё. Я ему сразу отдал свою шапку.

⁷ Цит. по: К. Юноки-Онэ. Диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии «Культура балалайки в России с 1917 по 1948 год». М., Государственный институт искусствознания, 2004.

Нечепоренко организовал в училище квинтет, и этот коллектив занял первое место на конкурсе внутри музыкального училища. Он тщательно готовил этот ансамбль, всё отшлифовал. Мы так играли «Анданте кантабиле» Чайковского, что все обалдели. Пять балалаек: первая и вторая прима, секунда, альт и бас. В некоторых местах даже играли не пальцами, а медиатором.

— Нечепоренко занимался с ансамблем уже в качестве педагога училища?

— Нет, это было примерно на III курсе, Нечепоренко ещё не работал в училище.

— На какой балалайке вы начали заниматься?

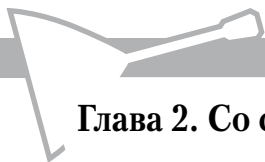
— На одном курсе со мной был парень из Карелии, высокий, как ты, худощавый, туберкулёзник, и мы с ним играли на одной балалайке, принадлежавшей училищу, по очереди. Он вскоре умер, и я один остался на этом инструменте.

А потом я всё-таки купил балалайку. Учитель Нечепоренко — Николенько, написал письмо Павлу Ивановичу: он хотел бы продать балалайку по хорошей цене. У него инструмент хороший — Соцкого. Но там, в Феодосии, её некому продать. Нечепоренко тут же сообразил: «Миша, у тебя нет балалайки хорошей, давай, покупай». Совпадение получилось. И я купил у него эту балалайку за 800 рублей. Это были деньги хорошие!

Но я и вкалывал тогда тоже хорошо, с утра до ночи. Со второго года обучения стал выступать в концертах и даже начал этим зарабатывать. Был один гитарист-халтурщик, он в санаториях организовывал «левые» концерты: брал певицу, певца, меня — балалаечника, баяниста, и сам на гитарке играл. Наш дуэт с баянистом пользовался огромным успехом. Сыграешь — и тридцать рублей в кармане. А у меня сорок рублей стипендия! Это позволило мне бросить фабрику-кухню.

— Не пытались ли вы тогда играть в сопровождении гитары?

— Нет, с гитарой тогда и не думал играть! Такой слабый инструмент, ноготочками его взять можно... А еще через год я поехал в гастрольную поездку по Ленинградскому военному округу. Там 25 рублей суточных платили. Удалось сшить себе модный костюм специально для сцены. Как я был счастлив, появившись в этом костюме в своем общежитии! Потом послал матери в Нижний Новгород 100 рублей и написал: «Мама, прими первую сотню моей самостоятельности».

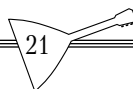
Глава 2. Со славой шире горизонта

Следующий наш разговор произошёл в автобусе, на котором Михаил Федотович и Надежда Ивановна уезжали в санаторий. У меня к тому времени возникло много вопросов, и это была последняя возможность поговорить до их неожиданного отпуска.

Этот санаторий расположен в живописной долине реки Малая Истра, рядом со старинными стенами Новоиерусалимского монастыря. В этих местах бывали А.П. Чехов и И.И. Левитан, который написал здесь картину «Река Истра». Михаил Федотович очень любит тут отдыхать. Чистый и свежий воздух, живописная природа, целебные запахи леса, лугов и полей помогают ему восстанавливать силы, вдохновляют на дальнейшую работу.

Во время остановки автобуса, когда Михаила Федотовича не было рядом, Надежда Ивановна рассказала мне об их первой встрече, которая произошла на концерте в Доме учёных в марте 1996 года. Михаил Федотович потряс её тогда бесконечным богатством тембров, ритмов, шквалом звуков. Зал вставал несколько раз. А потом, когда Надежда Ивановна узнала, что Михаил Федотович живёт один (его первая супруга умерла девять лет назад), они вместе с подругой решили: «Давай мы ему будем помогать. Это какой-то сгусток энергии, сброшенный на Землю, но он, наверное, очень быстро сгорит, погаснет. У нас с тобой дочери взрослые. Будем ходить и ему супы варить». Прошло время, и Надежда Ивановна говорит подруге: «Я боюсь к нему одна идти, он выпендривается! Не такой уж он беспомощный и беззащитный». Ходили некоторое время вместе, а потом он ей говорит: «Сколько ты будешь дуэнью с собой водить?!»

Надежда Ивановна — искусствовед по образованию, автор работ по истории русского костюма. Благодаря этому она имеет особое представление о творчестве Михаила Федотовича. Ещё в детстве она слышала его выступления по радио, и они производили на неё сильное впечатление. Позже, будучи студенткой, она принимала участие в фольклорной экспедиции в Вологодскую и Архангельскую области. Вот что мне рассказала Надежда Ивановна о деревенских балалаечниках: «Мы записывали свадьбу, и я поставила микрофон на стол. Балалаечник играет, постепенно зажигается — и вдруг запрыгивает на этот стол! Он никого не убьёт, скорее сам упадёт замертво, он добрейшей души человек, но в этот момент у него сумасшедшие глаза! Это зомби! Балалайка — куражистый инструмент, это гениальное изобретение русской души для своего отрыва от тягот. Михаил Федотович поёт на балалайке, но это уже более поздняя культура. Меня больше всего поражает его связь с древними пластами фольклора, которые характеризуются давлением, выплеском энергии. И он, в отличие от большинства его коллег, не стесняется быть таким — подчас смешным, чудным — не стесняется быть балалаечником».

Биография Михаила Федотовича полна движения. Он стал рассказывать мне о своём переезде в Москву, о долгих фронтовых дорогах — и всё это дополнялось мелькающими за окном нашего автобуса подмосковными пейзажами, напоминало о событиях пятидесятилетней давности. Вот строгий обелиск отметил место, где наши войска остановили фашистов, подошедших к Москве в 1941 году. Мой собеседник постоянно обращал наше внимание на простую, но милую его сердцу красоту мест, которые мы проезжали, делая тем самым наш разговор менее деловым, более тёплым и душевным. Даже маленькие деревянные хибарки с крошечными участками земли, выстроившиеся вдоль Волоколамского шоссе, он отмечал, как будто они тоже были свидетелями его жизни.

Всесоюзный смотр (1939)

— Михаил Федотович, расскажите, пожалуйста, о Всесоюзном смотре исполнителей на народных инструментах 1939 года. Это первый крупный конкурс, проведённый среди народных инструментов. Как известно, он показал хороший уровень игры на балалайке.

— От одного города на этот смотр посылали не больше двух исполнителей на каждом инструменте. И так случилось, что от Ленинграда на балалайку были представлены П. Нечепоренко, М. Рожков и Н. Щучко. Щучко играл свою Фантазию на темы И. Дунаевского, здорово играл. Когда комиссия начала обсуждать, решили послать Щучко, потому что это было новое направление в игре на балалайке. А Нечепоренко говорит: «Миша, поехали, посмотришь конкурс». Тогда у меня была возможность просто поехать посмотреть. И я поехал.

— Какие исполнители вам запомнились?

— Особенно запомнился И. Паницкий — прекрасный исполнитель на гармошке, слепой от рождения. Я много интересного увидел, очень хорошо, что поехал. Нечепоренко выступал и поделил первое место с Осиповым. Нечепоренко уговаривал меня сыграть (потом он говорил, что я бы получил вторую премию). А я отвечал, что меня всё равно не пустят: я не приглашён играть. Вторую премию получил Феоктистов.

Ансамбль ЦДКА (1939)

— А ещё в то время проходил конкурс в ЦДКА — Центральный Дом Красной Армии. Набирали музыкантов в Краснознамённый ансамбль и в балалаечный оркестр. Порой там даже Голованов дирижировал, им были нужны

хорошие, сильные музыканты. Когда я сыграл, мне сказали: «Всё, вы приняты солистом». Меня хотели взять в основной, Краснознамённый оркестр. Но я узнал, что там есть балалаечный оркестр, и попросился туда, потому что рассчитывал там стать солистом. Так потом и получилось. Но сначала я вернулся в Ленинград и закончил училище.

— Не помните свою программу при окончании училища?

— Я играл концерт Фельдмана, какую-то классику... в общем, программы были такие же, как и сейчас. Закончил училище, собрался в армию идти. Меня спросили: «Куда хочешь? Здоров как бык». Я говорю: «В авиацию», — и меня направляют в Оренбургское военное училище имени Чкалова. Я уже собрался, вдруг входит почтальон и приносит пакет. Там приказ наркома обороны Клина Ворошилова: «Михаила Рожкова, допризывника, направить в распоряжение генерала такого-то в ЦДКА». И мне тут же дали новое направление. А балалаечный оркестр, куда меня приняли, в то время находился на Халхин-Голе, тогда громил Жуков японцев. Разбили их в пух и прах, артисты приезжают в Москву, а я уже обмундирован, их дожидаясь. И я стал солистом балалаечного оркестра, с которым провёл семь лет моей жизни.

— Какой был состав этого оркестра?

— Браилко, Котов, Беляков, Быков... — 6 балалаечников, 6 домристов и остальные инструменты — полный состав оркестра. Еще были певцы, танцоры — всего 50 человек. Селиванов, Золотарёв, Симонов — великолепные были голоса!

— Где вы жили?

— В казармах на Колхозной площади, где базировались служащие военных ансамблей. Там были симфонический оркестр, балалаечный, созданный по приказу Ворошилова.

— Репетиции, наверное, проходили в Центральном Доме Красной Армии? А где вы выступали?

— Репетировали в Краснознамённом зале, Голубом зале. В Центральном Доме Красной Армии было три зала, и мы давали концерты то в одном, то в другом. Мы постоянно ездили: войска Дальнего Востока, войска Кавказа, войска Прибалтики, Северный флот, Камчатка... У нас огромная была страна! За два года службы, с 1939 по 1941 год, мы проехали все границы Советского Союза кругом и закончили в Бресте, дали концерт 21 июня, сели в поезд и отправились в Москву: у нас закончилась поездка. Осталось нам в баню сходить два раза, и всё — демобилизация. Мы едем в Москву и видим: над нами летят самолёты с немецкими опознавательными знаками. Мы думали, это игра какая-то, манёвры. А то летели настоящие немецкие самолёты — бомбить Минск! Они месяц не трогали Москву.

— Как вы узнали, что началась война?

— Нам полагалась увольнительная на целый день, чтобы навестить родственников. Дали нам увольнительную, но вдруг в 3 часа дня Молотов по радио объявляет: «Враг вероломно напал на нашу страну...» И всё! Комиссар Бирминсон говорит: «Ну-ка, ребята, давайте ваши увольнительные. Берет их и пишет: час туда, час обратно, час там. Вам 3 часа. Поезжайте. Машину любую останавливайте, приказ есть». Любая машина останавливается и обязана меня везти, если я в военной форме. Я поехал к брату Борису, который в это время служил в Москве в Кузьминках в газовых войсках. Поэтому он болел потом всю жизнь. И вечером я уже вернулся. Вот так началась война.

В первое время мы на вокзалах выступали, а потом нам сказали: «Вас разделят на две части, первая (главная) часть будет Калининский фронт, вторая половина — Брянский фронт (Брянский фронт еще только формировался, а Калининский был уже сформирован)». Меня направили на Калининский фронт.

Когда мы приехали, нас сразу показали командующему фронтом — генерал-полковнику И.С. Коневу, будущему маршалу. Это было в Кувшиново, есть под Калинином такое местечко, там расположился штаб фронта. Командующий нас напутствовал: «Извольте заставить солдат улыбнуться перед боем!»

У нас была форма красивая — из английского сукна, мы ведь в Кремле выступали! Но Конев сказал: «Так вас снайперы моментально перебьют». И нам поменяли одежду, робу дали настоящую, солдатскую, чтобы удобнее было лазать по блиндажам, по окопам. Вот так, переделались и начали обслуживать солдат.

— Кто руководил ансамблем?

— Сперва П. Куликов, но он потом ушёл руководить Государственным оркестром. Потом Д. Покрасс, но тоже недолго.

А ещё некоторые хитрецы к нам прятались. Писателя сделали заведующим литературной частью ансамбля. Ещё был режиссёр. Нас 50 человек, нами же надо руководить! Мы музыканты, а они оба — два болтуна. Причём, во время службы им дали ордена Красной Звезды! А потом они попытались убежать.

— Наверное, поняли, что и в ансамбле небезопасно.

— Их потом разыскали в Москве. Одного в штрафную роту, а другой спрятался в сумасшедший дом и там уцелел.

— Чтобы поднять дух солдат, нужна бодрящая, весёлая музыка. В осаждённом Ленинграде Трояновский на каждом концерте играл фокстрот «Три поросёнка».

— А мы играли песенку «Жил-был у бабушки серенький козлик». Конечно, были и серьёзные пьесы на фронте. Я, например, играл и «Концертные вариации» П. Куликова, и «Уральскую плясовую» с оркестром. За время службы много пьес поменялось. А «Концертные вариации» я так потом всю жизнь с оркестром и исполнял. После войны часто выступал в Москве с Государственным оркестром имени Н.П. Осипова. Куликов был помощником дирижёра, и он говорил: «Только Рожков, когда я дирижирую». И «Концертные вариации» играл только я. Это очень красивая, но трудная вещь.

— Как складывались ваши отношения с другими артистами ансамбля?

— Жизнь во время войны была сложная. Ворошилов одного командира кавалерийского полка направил в наш ансамбль. У него был голос-красавец, он очень хорошо пел романсы, и Ворошилов говорит: «У нас полковников полно, а вот такого поющего только одного знаю». Так вот этот полковник никак не хотел становиться с нами вровень — всё выше рангом себя чувствовал. Я солист, он солист — для меня он не полковник.

Мы играли на жильных струнах. Что такое жильная струна? На фронте это был кетгут, которым перевязывали, зашивали раны — толстая жила. И когда мы натягивали новую струну, она как минимум сутки обтягивалась, не то что теперешние нейлоновые струны. Когда жильная струна лопаётся — вот морока!

И у меня однажды лопнула жильная струна. А между концертами не было паузы — всё время выступления. Лопнула струна — и всё равно надо играть. И этот полковник мне говорит (он был бригадир):

— У тебя 15 минут, натягивай быстро струну и выходи играть.

— Я в этом концерте играть не смогу, заменить струну очень трудно.

— Нет, сможешь, я приказываю.

— Товарищ Кузнецов, поймите, что нельзя играть. Струна вытягивается, на ней играть нельзя, а без струн я пока ещё не научился играть. Вы спойте пару лишних вещей вместо моего выступления.

— Это не твоё дело указывать, когда мне петь! — И он заводил, заводил, заводил меня... Я завёлся, выхватил пистолет:

— Хочешь, я сейчас в лоб тебя? Меня ведь дальше фронта не пошлют, а пристрелить я тебя могу! — Он отстал, но, когда вернулись на базу, подробно всё это рассказал комиссару Бирминсону. А комиссар написал рапорт генералу с просьбой меня откомандировать на фронт. Генерал ответил:

— На фронт я сформирую целый полк солдат за одни сутки, а вот чтобы такого артиста найти, я должен всю Москву перевернуть. Вот ваш рапорт, Рожков будет работать в ансамбле, и вы найдёте с ним общий язык.

— Генерал вас знал?

— Я же всё время выступаю. Собирается военный совет — мы выступаем. Приглашаются какие-то гости — нас показывают. Я всегда с оркестром играю

одну пьесу, вторую — и принимают замечательно меня. Вызывало удивление, что балалаечник так принимается здорово. Так что я прочное место занимал в ансамбле.

Супруга Михаила Федотовича, Надежда Ивановна, спешит напомнить интересный случай из военных будней мужа:

— Михаил Федотович рассказывал вам про «общество смуряг»? Я смотрела плёнку фронтовой встречи и оттуда узнала об этом обществе, которое он организовал прямо на войне.

— А почему «смуряг»?

— Это от слова «смурной». На фронте у нас такое выражение было: «Ну, смурняки!». Это инициативные, талантливые люди, которые обязательно чего-нибудь придумывают. Я сказал: «Ребята, если нас с вами убьют — это плохо, а если не убьют — что мы будем делать после войны, кому мы нужны? Давайте себя готовить к мирной жизни». И мы начали заниматься: я готовил новую программу, композитор Цадиковский английский изучал (он сейчас в Америке живёт). В общем, каждый по-своему начал готовиться к мирной жизни. Благодаря этому я сразу после фронта был в хорошей концертной форме.

— На чём передвигался ансамбль?

— Мы ездили на автобусе и грузовой машине, и у другой группы был свой транспорт. Я на фронте руководил группой (половина ансамбля — это 25 человек). Вторая половина была в распоряжении Кузнецова, другого концертмейстера. У меня самый лучший состав был: певцы Селиванов, Золотарёв... А плясуны какие! Отчаянные были плясуны! Один танцор выскакивал с гармошкой. Некоторое время у нас и девочки танцевали.

Я всегда выезжал последней машиной, потому что командовал ансамблем. Один раз нам было приказано немедленно покинуть посёлок — доложила разведка, что туда движется немецкая танковая колонна. И вот еду я с водителем в кабине грузовой машины с последними пожитками. Вдруг, отъехав километра три, шофёр раз — и остановился! У него бензин кончился! Я говорю: «Да я сейчас тебя пристрелю, ты что делаешь? Мы выезжаем, а ты забыл, что не заправился!» Что делать? А у нас был велосипед, мы его нашли в Кёнигсберге⁸ и подобрали — я же велосипедист! Я схватил велосипед, ведро и помчался в деревню обратно. Где-то далеко уже слышен грохот — движется немецкая колонна. Дорога просёлочная хорошая. Я промчался эти 3 километра, налил ведро бензина (там оставалась бочка с топливом). Еду по дороге обратно — и вдруг увидел на дороге буханку! Белую буханку! Боже мой! Видно, булочная эвакуировалась, второпях они навалили в машину караваи хлеба, не закрыли их, где-то качнуло, и вывалился такой белейший, хороший хлеб! Я

⁸ В 1946 году Кёнигсберг был переименован в Калининград.

спрыгнул с велосипеда, схватил его, с трудом забрался на велосипед и поехал. Представляешь, как я ехал?левой рукой управляю, а правой держу ведро и буханку под мышкой. Так и приехал к машине. Сколько же радости было от этой буханки! Она такая красивая, вонючая такая, очаровательная буханка! Я такой в жизни не видал! Такие пекли для генералитета, наверное. Но такая буханка! Ой, боже мой!

— Часто у вас были концерты?

— Всё время концерты были, с утра до ночи. Сыграли концерт — потом завтракать идём на полевую кухню. В любых условиях выступали, в медсанбате, например, задыхаясь от трупного запаха. Я был бледный, ведущий бледнел — все бледные были. Это очень трудно, трупный запах страшный. Гной. Я сыграл пьесу — задохнулся. Вышел, отдышался — иду вторую пьесу играть. А бойцы раненые слушают с удовольствием: «Играй, играй ещё, играй повеселей!»

— На фронте, конечно, не было подходящих условий для проведения концертов. Как вы приспособились к этому?

— Приходилось выступать под открытым небом. Особенно трудно было зимой, потому что пальцы коченели и промерзали до костей, а струны лопались на морозе. Наши концерты проходили на опушках леса, прямо около орудий, на батареях. Часто мы выступали с кузова грузовика. Возили с собой настил для танцоров — три доски.

Расскажу один случай. На лужайке войска, мы даём концерт. Выступает наш певец Селиванов, исполняет только тогда появившуюся нежную песню «Тёмная ночь». И вот он поёт: «Смерть не страшна, с ней не раз мы встречались в бою». Вдруг артиллерия как бабахнет рядом! Он присел: «Вот и теперь надо мною она кружится». В это время над нами появился самолёт-разведчик. А наша зенитка охраняет нас, и как они дали! Главное, совпало! Ба-бах! И смешно, и страшно, потому что сейчас разведчик передаст данные, и начнётся обстрел. Одним словом, всякое бывало на войне.⁹

Калинин (1941)

— Где начались ваши фронтовые концерты?

— Сначала нас послали дать несколько концертов в Калинин, только что освобождённый.¹⁰ Бывает такое время, когда нет наступления, бои приостанавливаются, формируются и дополняются войска. Зарылись, сидят и те, и другие.

⁹ Телепередача «Осенние портреты». Режиссер Т. Александрова. Телекомпания «Альма Матер», 1998.

¹⁰ Город Калинин (ныне Тверь) был освобождён в декабре 1941 года.

Я еду в Калинин в теплушке, смотрю в окошко... и вдруг в голову пришло, нахлынуло. И я тут же написал, как-то само получилось:

Едем по струнам в какой-нибудь полк

Честно свой выполнить долг...

Я ребятам прочитал эту свою поэму в поезде, и все: «Ну-ка, дай списать, дай списать...» Списывали у меня ребяткишки и посылали домой.

— Что такое «струны»?

— Это в лесу в болото кладётся такой деревянный настил для колёс, чтобы могли ехать машины. Немецкие лётчики махали нам руками и смеялись: мы были, как котята, беззащитны, потому что нам некуда было свернуть. А им просто нечем нас бомбить, иногда только они давали пулемётную очередь.

Молодость отличается смелостью и озорством. В те долгие часы таких передвижений мы смеялись, частушки сочиняли, разыгрывали друг друга. Примерно через год после начала войны я сочинил целую поэму и рассказывал её перед нашим выступлением:

За лесами, за горами,
За широкими морями,
Между небом и землёй,
Между фронтом и Москвой,
Между рек, речушек разных,
На дорогах, вечно грязных,
Посреди тверских болот
Жил и до сих пор живёт
Со славой шире горизонта
Ансамбль Калининского фронта.
Со времени Адама и Евы
Полсотни мужчин без единой девы.
Все ребята, когда нужно,
Жили весело и дружно.
Ездили в поездки часто,
Вёрст за триста, двести, за сто.
Частей много обслужили,
Чести много заслужили
И, довольные собой,
Возвращались мы домой.
И ещё скажу два слова:
Отдыхали в Кузовково.
Там ждут новые программы,
Масса писем, телеграммы.
Вечерами отдыхали,
Кино смотрели, танцевали,
И девчонок провожали,

Новых сил мы набирались
И в поездки отправлялись.
И сейчас вам расскажу я,
Как живём, всегда кочуя,
Как работаем, трясемься,
Как поём, в пути смеёмся...
А вот, кстати, для закваски
Начинаю прямо с тряски.

Ржев (1942)

— Поговорим о фронтовых поездках. По мере продвижения линии фронта менялось и название вашего ансамбля. Сначала он именовался Ансамблем балалаечников Калининского фронта, затем — Первого Прибалтийского фронта, потом — Земландской группы войск в Восточной Пруссии, а после окончания войны — Ансамблем Прибалтийского военного округа. Какие географические названия на этом очень протяжённом маршруте от Калинина до Кёнигсберга вам запомнились?

— Нас посылали туда, где начиналось дело. Помню штурм Ржева, это был 1942 год. Наши войска вошли в Ржев, а боеприпасы кончились, потому что машины не могли подойти, они утонули в грязи. Мы голодные, пушки без снарядов. Вошли в город, а стрелять не можем. А немцы в домах засели — как мы в Сталинграде, так они во Ржеве. И покосили всех наших. Целое училище военное было брошено на штурм Ржева — и всё полегло. У нас были такие потери, что Геббельс потом прилетел в Ржев, который немцы отстояли. И хоронили потом, после второго штурма, в четыре слоя. Вырывали большую яму и хоронили. Это был страшный штурм, недаром у Твардовского есть стихотворение «Я убит подо Ржевом». Зато мы этой операцией удержали немецкие войска, которые должны были по приказу Гитлера махнуть на Сталинград.

Наш ансамбль в это время должен был дать концерт в деревне Кокашилово. Только мы туда прибыли, как над деревней стали кружить мессершмитты. Началась бомбёжка, засвистели пули. Тогда мы отложили в сторону инструменты и стали выносить с поля боя раненых. После боя мы всё-таки дали свой концерт.

Из книги А.З. Чулкова

«О товарищах на фронте и после войны» (М., 2005):

По полю брело и ползло в тыл много раненых. Михаилу Рожкову приказали немедленно вывезти трёх особо тяжело раненных в тыловой медпункт. Транспортным средством служила

запряжённая в небольшую телегу отощавшая на фронтовых кормах лошадка. Немало пришлось потрудиться, чтобы разместить на небольшой телеге троих раненых, дорога шла по резко пересечённой местности с крутыми подъёмами и спусками. От проливного дождя кое-где образовались труднопроходимые болота, водоёмы. Рядом разорвался снаряд, и испуганная лошадь вместе с ранеными угодила в водоём. Пришлось музыканту Михаилу вытаскивать по одному сначала стонущих раненых, потом лошадь с телегой. У бойцов открылись раны, сочилась кровь прямо на его мундир и шаровары. Из-за нестерпимой боли раненые умоляли его их пристрелить. Но перед своей совестью он этого себе не позволил.

Проезжавший мимо на газике член Военного Совета фронта Леонов спрашивает музыканта:

— Вы ранены?

— Нет, я цел, жаль фартука у меня нет, поэтому защититься от избытка крови раненых нечем.

Подожли санинструкторы, повторно перевязали раны.

Пока добирались до медпункта, пришлось преодолевать три таких перевала, а вся поездка заняла около трёх часов.

— Когда я доставил раненых в санбат, я упал без сознания. Все понимали, что мы голодные. Поэтому, когда я очнулся, мне открыли банку консервов и сказали: «На, съешь, главврач санбата приказал». И я съел кусок хлеба, эту банку консервов — очень вкусные почему-то были, и я ожил и снова пошёл за ранеными.

Был забавный момент. «Мессершмитты» гуляли над нами как хотели, ведь в начале войны превосходство авиации было у немцев полное. Вожусь я с этими ранеными, а «мессер» летит низко-низко мимо меня и кулак мне показывает. Я разозлился и тоже ему кулаком пригрозил: «Подожди, будет и наше время!» А он разворачивается — и как дал очередь! Хорошо рядышком прошло — я успел прыгнуть в щель!

— После штурма Ржева вы получили свою первую военную награду — медаль «За боевые заслуги». Как проходила церемония награждения?

— Награждали нас перед следующим штурмом, во время концерта. Командующий сказал: «Духовщину возьмём — Смоленск наш». Духовщина — это железнодорожный узел на подступах к Смоленску. Играю я с оркестром, вдруг: «Смирно!» Все мы встаём, входит командующий Ерёмко (его назначили после перевода Конева на Степной фронт, он с клюшкой ходил) и говорит: «Тут кое-кто остался без наград после последнего боя. Командир дивизии, давайте список». Мы все стоим перед лицом командования. Выходят солдаты и получают награды из рук командующего фронтом. А я встал, он ко мне подходит, говорит: «Ну что, артисты с пистолетами нынче? Вы с ними не расставайтесь, у нас рядом власовская дивизия».

Меня, как хорошего лыжника, не раз отправляли с донесениями в штаб. Это было в местах, где в лесах скрывалось немало власовцев, а они часто похищали наших. Мы их «воровали», а они — наших. Поэтому я не расставался с оружием, мы даже спали с пистолетами.

— Вы влюблялись на фронте?

— Ой, да ещё как! У нас на фронте был полк «Б-2» — пикирующие бомбардировщики. Там служили одни девчата. Их называли «ночные ведьмы», потому что они ночью вылетали, выключали мотор и планировали тихонечко над деревней, выбирали, где немецкие штабы (у них была карта с расположением штаба). Пролетая над этим домом, они бросали бомбы, и штаб взрывался. Мы к летчицам приезжали и давали концерты.

У них был праздник, когда мы однажды приехали. Входим в столовую, чтобы обедать вместе, — они все встают. Дисциплина железная, все аккуратненькие, подстриженные. А после обеда — концерт. После концерта мы танцуем. Нас 25 человек, все молодые ребята, а они девочки всё-таки — и нам было о чём поговорить!

Одна девочка была очень хорошенькая, и я повадился с ней танцевать. А в очередной раз приезжаем — смотрю, нет моей стриженной.

— Где Валя? — спрашиваю.

— Больше её имени не произносите, а то девчонки плакать начнут. Она не вернулась. Пикировала — и воткнулась в землю.

А у нас был очень трудный участок фронта для этих девчат, вся артиллерия была сосредоточена на Леба (это польский город), куда прижали немцев.

— Были ли потери в Ансамбле Калининского фронта?

— Да, у нас было много раненых, контуженых. Не стало двух танцоров, погиб замечательный певец Михаил Золотарёв...

— Как сложилась судьба ваших родственников во время войны?

— На войне погиб мой брат Константин, его изрезали в куски поляки. Отец оказался в войну в Брянске и не успел эвакуироваться. Когда пришли немцы, он при невыясненных обстоятельствах угодил в тюрьму. Я пытался узнать что-нибудь о нём, когда гастролировал в Брянске. Мне сказали, что там был Федот Фёдорович Рожков, его немцы посадили и дальнейшая судьба его неизвестна. Наверное, так и погиб в тюрьме. Он уже старик был...

— А ваша мама так и оставалась всю жизнь в Нижнем Новгороде?

— Да. Дом этот потом сломали, потому что по нашей улице строили новую магистраль. Престижное место получилось очень, и на этом месте построили новые дома. Жильцов рассовали кого куда, и ей дали комнатку на берегу реки Оки.

В конце войны Баграмян разрешил мне съездить в Нижний Новгород. Приезжаю. Волновался как, дрожал весь! Прихожу домой — закрыто на замок. Соседка-татарка говорит: «Тетя Варя в ларёк спустилась вниз». Я бегом туда, — а мать стоит в полушубочке рваненьком, в полушалочке, в каких-то

обмотках. У меня слёзы. Я: «Здравствуй, мама». Она ко мне бросилась: «Мишенька! Живой! Живой!» Я говорю: «Чего ты хочешь?» Она отвечает: «Купи бутылочку вина. Я так давно не пила вино!» Я, конечно, купил всего, деньги у меня были, и мы весь вечер сидели дома и плакали. Вот такая была встреча с матерью.¹¹

Дуэт с Г. Быковым

— На фронте возник ваш дуэт с балалаечником Геннадием Петровичем Быковым, и с ним вы после войны записали свою первую пластинку. Расскажите о нём.

— Мы выступали в одной дивизии, и в этой дивизии был свой ансамбль. В этом ансамбле был Быков, мы его и забрали к себе по старой памяти, он же в балалаечном оркестре Центрального Дома Красной Армии был. А тут он войну прошёл. И Быков со мной рядышком сидел, я на первом пульте, а он — на втором-третьем. Я предложил ему играть дуэтом.

— Какую пьесу вы первую исполнили?

— Я объявлял так: «Русская народная трагическая мелодия «Жил-был у бабушки серенький козлик»». Мы изображали, как бабушка потеряла козлика, волки набросились... Потом играли «Гоп, мои гречаники». Здесь мы играли так: сначала только левой рукой, потом балалайки очень ловко передавали друг другу во время игры. Ещё играли русскую песню «Час да по часу». Мы надевали специальные рубашонки длинные русские.

Хохот стоял! Рузвельт смотрел со своей женой, они так смеялись! Баграмян так ржал! Я увидел, наконец, как люди могут смеяться! Мы ведь тогда смеяться разучились.

— Вы выступали перед американским президентом Франклином Рузвельтом? Как это произошло?

— Нет, я играл его сыну Элиоту Рузвельту. Его принимало командование наших войск в Берлине, и мы участвовали в концерте. И жена его, Леонорочка, красавица такая, статуэточка... Как они смеялись!

— Кто делал обработки и переложения для дуэта?

— Обработки вместе делали, вдвоём, мы выискивали пьесы, подходящие для двух балалаек.

¹¹ Телепередача «Осенние портреты».

— Где вас застал День Победы?

— В Риге. В это время стариков демобилизовали, и я уже был художественным руководителем нашего ансамбля, который после войны стал называться Ансамблем Прибалтийского военного округа. В Риге я работал под руководством маршала И.Х. Баграмяна.

Однажды я увидел афишу концерта Ансамбля Балтийского флота в оперном театре. Во время войны этот коллектив назывался Ансамблем пяти морей. Нечепоренко там работал помощником дирижёра. На этом концерте мы встретились с ним, я пригласил его к себе в дом, где мы базировались. Потом он меня пригласил к себе на базу, и я был на концерте у него. Он играл на балалайке «Матросскую рапсодию» с оркестром, а потом дирижировал хором. Он ещё до войны поступил в консерваторию на дирижёрско-хоровое отделение, но не доучился, так как война началась. Когда его демобилизовали, он поехал в Ленинград, чтобы закончить консерваторию как хормейстер.

А к нам из Москвы однажды приехала комиссия Министерства культуры, чтобы проверить профессионализм ансамбля. Когда они увидели наше с Быковым выступление — установили нам сразу первую, высшую категорию, это 110 рублей. И женщина, которая возглавляла комиссию, говорит: «Как демобилизуетесь — приезжайте в Москву, мы вас примем в Москонцерт». Так оно и случилось.

Но Баграмян меня не отпускал. У него дома была комната с канарейками и попугаями. Мы уединились там, я стал его уговаривать отпустить меня, но, вижу, он неумолим. Все ребята уезжают, а я заставаю в Прибалтике. Правда, Баграмян давал мне хорошие условия: в Риге квартира с роялем, обучение в консерватории. Он там хозяин был!

— Народных инструментов в консерваториях ещё не преподавали — значит, как и Нечепоренко, на дирижёрско-хоровое отделение?

— Да, можно было. И это стало бы полезно для меня, конечно. Но тогда следовало фактически бросать балалайку и браться за дирижёрско-хоровое дело. Правда, я уже был бы с солидными звездочками. Баграмян говорил: я тебе сейчас даю звание капитана, а через год будешь подполковником, потом полковником... Но мне так надоела Прибалтика, так надоели эти немецкие крыши!

Тогда я придумал такой вариант. Ехал как-то на велосипеде по Риге и увидел жену Баграмяна, которая была в машине. Я за ней. Она в универмаг, я следом. Меня она хорошо знала. Начинаю ее уговаривать: «Иван Христофорович ко мне очень хорошо относится, но он предлагает мне военную форму на всю жизнь. Я много лет не был дома. Я мать хочу видеть, родной город. Мне Родина нужна, и у меня ещё учёба впереди. Я прошу вас...» И меня на следующий день вызывает Баграмян: «Ну и хитёр ты, Рожков! Ну ладно, я уже летал

самолётом к себе на Родину, в Армению, посмотрел на свой проспект имени Баграмяна. Я понимаю тебя вполне. Ладно, спасибо тебе за службу». Я сдал сапоги, шинель и уехал в Москву.

— В каком звании вы демобилизовались?

— Старший сержант.

— Многие, я знаю, после войны ходили в шинелях, — вступает в разговор супруга Рожкова Надежда Ивановна, — Шукшин, например. А почему ты шинель сдал?

— Последнее время я выступал в Риге и как солист, и как дирижёр, получал за концерт 1000 рублей. Появились деньги, я оделся, обулся, и на дороге у меня было. Зачем мне было тащить с собой солдатскую шинель, обмундирование? Я ребятам и отдал.

— Сергей Фёдорович Бондарчук рассказывал, как много было молодых студентов, одетых в шинели, — вспоминает Надежда Ивановна. — Это же хорошая одежда, на ней и поспать, если где-то под лестницей, и укрыться можно, если придётся на третьей полке ехать... А Михаил Федотович взял — и отдал шинель...

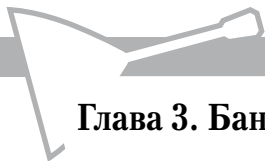
Я считаю, что Михаил Федотович стал выдающимся артистом благодаря своим выступлениям на фронте. Попробуй, заставь солдат улыбнуться перед боем! Какое для этого влияние на слушателей надо иметь! Его жизнь просто заставила быть таким сильным.

— Да, действительно, война открывала в людях сверхвозможности, сверхсилы, сверхспособности. Как относились солдаты к выступлениям ансамбля?

— Наш концерт всегда был для них праздником. Они говорили нам: «После вашего концерта мы фрицам такой концерт зададим, что они нам пятками аплодировать будут!» Музыка укрепляла боевой дух солдат, давала им энергию для следующих боёв. И в этом смысле балалайка часто была похлеще оружия.

— И это был вклад артистов в Победу.

— Если бы не было большой культурно-массовой работы на фронте, ещё неизвестно, как бы закончилась война. Политработники ходили по войскам и проводили беседы, концертные бригады одна за другой ездили на фронт, самодеятельность была поставлена... Надо сказать, что в нашей стране до войны была очень сильная самодеятельность. И эта самодеятельность помогла потом солдату в его нелёгкой битве.

Глава 3. Бандит с балалайкой

Во все времена Москва привлекала талантливых людей со всей страны — людей, которые умели ставить перед собой цели и достигать их, людей активных, трудолюбивых, любознательных. Столица давала им возможность реализовать свои устремления, достичь успеха в жизни. Поэтому возвращение Михаила Рожкова в Москву было вполне закономерно. Его талант стал заметен ещё на фронте, но только здесь он мог раскрыться в полной мере.

Это было очень противоречивое время. Очень трудное, но одновременно и счастливое. До сих пор Михаил Федотович сохраняет в своём творчестве настроение тех лет. В послевоенные годы в нашей стране наблюдался культурный подъём. Люди, вдохновлённые победой над врагом, хотели не только восполнить ущерб, нанесённый войной, но и сделать жизнь лучше, чем до фашистского нашествия. Однако страна всё ещё находилась в очень тяжёлом экономическом положении. Михаил Рожков приезжает в Москву, но и здесь ему приходится преодолевать многие трудности. Продуктовые карточки, например, были отменены только в 1948 году. Стояли большие очереди за продуктами. В быту приходилось довольствоваться только самым необходимым. Непросто было найти себе и жильё. После войны вновь начинаются сталинские репрессии, за решёткой один за другим оказываются четыре брата Рожкова, его партнёр по дуэту Г. Быков... Но уже ничто не в силах остановить профессиональный рост артиста. Ведь с фронта он вернулся возмужавшим, уверенным в своих силах и в силе своего искусства. Не случайно Е.Ф. Гнесина называла М. Рожкова «бандитом с балалайкой».

В 2005 году было опубликовано замечательное стихотворение Владимира Кострова¹², где творчество М.Ф. Рожкова сравнивается со счастливо пролетающей по родной стороне таратайкой. Она летит сквозь века, гремя своими бубенцами, и будит в воображении картины прошлого. Мы плачем над русской песней, вспоминаем людей, встающих под пули, и, как пишет В. Костров, «на памяти высветляем свою душу».

*Что со мною ты сделал,
народный артист!
Слышишь: сердце дрожит,
как осиновый лист,
и поёт,
как твоя балалайка...*

¹² В.С. Костров. «Если любишь... Стихи, поэмы, переводы». М., «Классика», 2005. Стр. 293.

Стихотворение «Балалаечник» посвящено Михаилу Рожкову.

Что же так волнует нас сегодня в игре Рожкова? Он очень много пережил: терпел нужду и лишения с раннего детства, терял товарищей и родных в годы войны и репрессий... Всё это обостряло чувства, закаляло характер, доводило до предела эмоциональность игры музыканта. В. Костров пишет: «Балалайка твоя изо льда и огня, три струны — три натянутых в струнку коня». Лёд и огонь, радость и страдание, с лихвой доставшиеся в XX веке русскому человеку, сегодня воплощаются в игре Михаила Рожкова...

Москонцерт (1946)

— Как началась ваша работа в Москонцерте?

— Мы приехали в Москву, но Бурштейн, директор Москонцерта, нас не принимал: «Нам не нужна балалайка, у нас всего достаточно». Я пошёл в Министерство культуры на Неглинку, нашёл ту женщину, которая приезжала на фронт во главе комиссии, и сказал ей, что Бурштейн нас не берёт. Она звонит:

— Самуил Яковлевич, тут приехали с фронта Рожков, Быков. Оформите их в Москонцерт.

— Есть оформить в Москонцерт!

— В Москонцерте работали другие балалаечники?

— Да, и все они были старше меня: В. Нагорный, К. Плансон, Н. Лукавин.

— Ваш дуэт имел успех у искушённой московской публики?

— Да, успех был огромный. Мы были правы, сохранив наш ансамбль в мирное время. Когда мы сыграли во Всероссийском театральном обществе «Пляску скоморохов» Римского-Корсакова, Михаил Фабианович Гнесин сказал нам: «Вы — чудо! Вас надо за границей показывать!» Не хочу умирать от скромности — так было.

— Где вы жили в Москве?

— Когда мы приехали с Быковым, он был уже женат. Его жена работала в Министерстве морского флота, и ей дали какую-то малюсенькую комнатку в общей квартире рядом с уборной. Самую маленькую, самую беденькую, шестиметровую.

А я вынужден был снимать где-то угол. Некоторое время ютился в общежитии трамвайного депо. Зарплата не было, нас ещё не знали. Леонид Утёсов был от нас в восторге, на график нас поставили, но концерты были редко. Потом нас в Государственный оркестр Алексеев пригласил и платил нам деньги. Во всех оркестрах после войны не хватало балалаечников. Потом на радио нас начали приглашать, там нам платили. Потом... В общем, где-то, как-то... удачно. Зарабатывали...

— Вы ещё сотрудились с ансамблем «Берёзка»?

— Да, потом вместо меня им пришлось пригласить Лёню Владимирова.

— А почему вы отказались?

— Я поехал с ними, сыграл несколько концертов — и проклял всё на свете. Прихожу на выступление — сесть негде. Их там за сценой сто человек, они же все переодеваются по нескольку раз: и на лестнице, и под лестницей... Я посмотрел, вызвал инспекторшу: «Пока вы мне не определите место, я на сцену не выйду!»

У них в программе танец за танцем идёт. Поэтому появление балалаечника, да ещё такого, как я, — фурор! Публика в восторге! Но когда художественный руководитель ансамбля Надежда Надеждина пригласила меня в очередную поездку (а они всё время выступали за границей), я ответил: «Не могу».

— Тем более что у вас свои концерты.

— Да, свои концерты, своя жизнь... Потом я тебе скажу: кого ты кроме Моисеева знаешь у Моисеева — никого! Вся слава, все блага достаются руководителю ансамбля. Всё внимание на концерте приковано к танцорам, на афише лишь название ансамбля и фамилия его руководителя.

— И вы решили всего этого добиться самостоятельно?

— Однажды мы встретились с Утёсовым на Неглинке.

— Как дела, ребята, у вас? Талантливые вы! — он нам дифирамбы поёт.

— Да вот, концертов нет, сидим голодные, живём в подвале, — отвечаем мы.

Тогда он дал нам телефон администратора, который организовывал левые концерты и выбирал для них лучших артистов. Он сам говорил: «У меня работают только первачи». Этот администратор брал за концерты с организаций большие деньги, платил их артистам, но и сам немало получал. Вечером я звоню ему, а он спрашивает:

— Какая ставка у вас?

— 110 рублей.

— Будете получать 150. Вас двое? Я вам буду платить 300 рублей за концерт в конверте. Вы сегодня вечером свободны?

— Да.

— Тогда сегодня у вас два концерта.

И началась у нас другая жизнь! Мы оказались заброшены на самую высокую орбиту, выступали с ведущими артистами Москвы. Концерты строились по жанрам. Начинал чтец. Выходил, например, Михаил Царёв и читал монолог Чацкого из «Горя от ума» Грибоедова. Потом пел Козловский или Лемешев. В то время появился ещё дуэт Бунчикова и Нечаева. Потом — лучшие номера в танцевальном жанре — Ольга Лепешинская, Галина Уланова. Оперетта — Ярон, цирк — Олег Попов тогда начал выступать. И так далее.

На этом первом концерте, в КГБ, я познакомился с Руслановой. Утёсов ей говорит:

— Лидка, ты посмотри, какие таланты к нам приехали! — Очень наш номер Утёсову понравился. А Русланова сказала нам с Быковым:

— Спускайтесь вниз, там моя дочка сидит в машине. Поедем к моему мужу на концерт.

— Мы ещё здесь не сыграли.

— Идите, быстрее сыграйте. Скажите, что я прошу пропустить вас без очереди.

— Мы быстро выступили и поехали на Крымскую площадь, в казармы, где базировался Конный корпус генерала Крюкова — мужа Руслановой. Там все обрадовались:

— Ой, Лидочка приехала! — А она:

— Здравствуйте, мои родные солдатики. Ну, чего вам спеть-то? — И она запела...

— Все мы знаем, как великолепно, проникновенно исполняла русские песни Лидия Русланова. А какой у неё был характер?

— Она настоящая русская баба: и душевная, и озорная. Душа у неё богатейшая! И свой характер она выразила в песнях. Частушку любила. «Валенки, валенки, неподшиты, стареньки... Суди люди, суди Бог, как же я любила. По морозу босиком к милому ходила...» (Поёт. — А.А.) Вот она как передаёт это существо: бедная крестьянская девчонка. Она ведь хотела мужика-то, а выйти не в чем, так бедно жили. Валенки-то неподшиты... Бежала к нему — и родила! Природа требует своего... Вот такая бабёнка.

— Вам никогда не приходилось играть вместе с Руслановой, аккомпанировать ей?

— Нет, она пела в сопровождении своих гармонистов или трио баянистов. Баянисты сначала играют соло 2–3 пьесы, а потом начинают ей аккомпанировать, и она поёт 4–5 песен.

ГМПИ им. Гнесиных (1948)

— Как вы узнали, что в 1948 году открылась кафедра народных инструментов в Институте имени Гнесиных и почему решили туда поступить?

— К 1948 году у меня в Москве все наладилось, зарабатывал прилично. И я почувствовал, что жить стало неинтересно. Заработал — проел, заработал — проел... Цели нет. Мне не хватало музыкального кругозора, не хватало высшего образования. Пошёл я в консерваторию, а там говорят: «А зачем вам консерватория? Вы на народном инструменте играете, идите в институт Гнесиных, там специально для вас открыли факультет народных инструментов. Получите высшее образование по своей специальности». Я бегом туда, прибегаю — а там во главе факультета Александр Сергеевич Илюхин, с которым

мы только что распрощались на фронте, потому что капитан Илюхин до меня был дирижёром и руководителем нашего военного ансамбля. Когда закончилась война, всех стариков демобилизовали.

— Трудно ли вам было поступить в институт?

— Александр Сергеевич Илюхин сказал мне: «Считай, что ты уже студент, но пройди все экзамены».

Вспоминаю экзамен по теории музыки. В коридоре стоят Мотов, Сурков, Гаврилов, домрист Александров, и никто не решается войти. Экзамен принимал известный музыкальный теоретик Козлов. Смело вхожу, и между нами происходит такой диалог:

— Первый вопрос: назовите, пожалуйста, родственные тональности ля-дубль-бемоль мажора.

— ...

— Второй вопрос: постройте хроматическую гамму в соль-диез мажоре.

— Спасибо за интересный вопрос.

— Последний вопрос: вы учебник по теории музыки давно в руках держали? Возьмите книгу Павлюченко. Вы как фронтовик имеете право на пересдачу. Через неделю я жду вас снова.

С утра до ночи я занимался как зверь! Всё выучил. Ровно через неделю пришёл к Козлову, сдал экзамен и получил «пять». Вот такой я во всём.¹³

Быкова я тоже уговорил поступить в институт. Он поступил, но с трудом. Учился он там недолго.

— Расскажите, как с вами занимался Илюхин. Известно, что он не был выдающимся солистом. Он проявил себя в основном как педагог и организатор кафедры народных инструментов, как автор знаменитых «Самоучителей игры на балалайке», которые много лет переиздавались большими тиражами.

— Илюхин преподавал в основном языком, как сейчас почти все преподают. Но он не подавлял творческую свободу, только подсказывал, какие произведения стоит посмотреть. А я уж сам выбирал, что бы мне хотелось сыграть. Он ко мне очень хорошо относился, видел во мне уже состоявшегося артиста, и поэтому мне очень повезло, что я занимался именно у него.

— Какие ещё предметы и педагоги вам запомнились?

— Я всегда очень любил дирижирование. Ещё в училище у меня был великолепный педагог. Он просто брал мою руку и водил ею... А в институте я учился дирижированию у О.М. Агаркова — очень хороший музыкант, скрипач. В институте я дирижировал, например, «Леонору» Бетховена и оперу Рахманинова «Алеко».

— Вы дирижировали симфоническим оркестром?

¹³ «Диалоги. Михаил Рожков – Валерий Петров». // Журнал «Народник».

— Агарков был дирижёром симфонического оркестра института, он говорит: «Ты занимайся пока с оркестром, а я пойду в соседний зал, подстрою деревянную группу». Он забирал духовиков, а я занимался с симфоническим оркестром. И они меня слушались нормально! Я прекрасно знал смычковую группу, всё слышал, все инструменты знал. Потом он дирижирует, а я рядом с партитурой сижу и всю работу, которую он проводит, вместе с ним провожу.

Женитьба (1948)

— Михаил Федотович, можно задать несколько вопросов о вашей личной жизни? Когда вы женились?

— Когда помог Утёсов с левыми концертами, я снял хорошую комнату с хорошей хозяйкой, которая меня полюбила. Всё было хорошо, но её арестовывают. Она работала секретаршей у двух братьев, которые левые дела какие-то делали, и за это их должны были посадить. Но они открутились, отверглись и всё свалили на неё. Бедную женщину посадили в концлагерь. Я вынужден был съехать с этой квартиры, потому что её опечатали. Болтался, снимал то один, то другой угол.

В 1948 году мне исполнилось 30 лет. Пришёл я к Быкову, сидели мы за столом, и жена его мне сказала:

— Ну вот, 30 лет стукнуло — теперь не женишься.

— Да что ты! Хочешь — сегодня женюсь!

А душно было, дверь в маленькую комнатку открыта была. Я видел, по коридору девочка шмыгает. Она помоложе меня. Я с ней ещё зимой познакомился, когда шел от Быкова вечером. Она выходила из квартиры, и я выходил. Мы вместе прогулялись на улицу. Таким образом я её знал, это Надя, соседка. Я говорю:

— А вот это кто идёт?

— Соседка Надя.

— А ну-ка, позови её. — Она заходит к нам. Я говорю:

— Надя, пойдёшь за меня замуж?

— Ну, не знаю... — А мне уж надоело болтаться 30 лет, Быков идёт домой с концерта с женой, а я один иду, опять куда-то в конуру какую-то.

— Тогда позови маму. — Приходит мама.

— Марья Александровна, Вы отдадите свою дочь за меня?

— Ой, не знаю, как она сама... — А после войны нас, мужиков, было мало, а девок полно! Пальчиком поманишь — она бежит с радостью, потому что не хватало мужиков. Поэтому и она тоже: ну куда деваться, уж пора выходить. Мне 30, а ей 25. Гаснет красота-то девичья! Тем более, что у неё были мальчики,

которые ушли на фронт, погибли. Она полненькая такая... Тут же мы посадили её за стол: «Всё, завтра в ЗАГС идём». Я домой ушёл, но на завтра я прихожу, забираю Надю. Рядом ЗАГС, пришли и расписались. Выпили, закусили, и я в этот день остался ночевать уже у них.

— В одной квартире с Быковым?

— Да. А Надя живёт с матерью в 18-метровой комнате. 18 лет я жил в этой комнате за ширмой. Вот: здесь тёща, здесь ширма. Тёща уходила с утра работать в Артиллерийское управление Красной Армии, это огромное здание напротив Парка культуры и отдыха имени Горького.

— Как к вам относилась тёща?

— Я был любимым артистом индийского посла Менона. У него жена из Англии, и ей оттуда присылали хорошие коньяки. Когда я выступал, она мне в дорогу сюда бутылку, сюда, сюда... Вот такая была жизнь у меня. И тёща, конечно, видела, куда Надя попала. Я студент, как тёща говорила, «голь-моль, студент, балалаечник несчастный, моя дочь могла за генерала выйти, я работаю среди генералов. А ты тут свалился на голову!» Вот такой у меня был с ней разговор. Я говорю: «Тёща! Придёт время, когда ты будешь приходить к нам в семью только по моему приглашению. А сейчас потерпи. Я буду генералом».

И я всё-таки стал генералом. Я получил звание Народного артиста России из рук Президента, как получают звания и погоны генералы. Передо мной открылся весь мир, я не вылезал из поездов. То во Франции, то в Италии, то Африка, то Америка — и пошло... Только в Австралии не был, а так все континенты повидал. Я уж не говорю про страны народной демократии: Чехословакия, Польша и прочие.

— В Австралию вас совсем недавно приглашали?

— В Австралии существует Оркестр «Балалайка» имени Рожкова. Меня туда приглашала миллионерша, у неё два дома. Она видела меня по телевизору, слышала записи мои, пластинки — и влюблена в меня. Она говорила: «Пусть приедет, я ему дам свой дом, пусть живут, сколько захотят, на моём иждивении будут». Но Надя мне сказала: «Нет, не полетим. Хватит тебе. Столько часов лёту над океаном — то там, то там самолёты падают...»

— Первую вашу жену тоже звали Надежда?

— Надежда Алексеевна. Она окончила институт как инженер-картограф, геодезист.

— Как она относилась к вашим поездкам?

— Спокойно относилась. У Нади была своя жизнь, она успешно продвигалась по службе. Через пять лет после женитьбы она родила мне сына. Я зарабатывал прилично, и семья была обеспечена: «Надя! Вот тебе сберкнижка моя», — и я уезжаю на месяц в Сибирь, на Урал. Скитаюсь там по колхозам, по совхозам, по целинам, новостройкам... Вот так мы и прожили с Надей 40 лет.

Газета «Геодезист», 9 октября 1991 года:

В 1947 году, после окончания НИИКАиК, пришла в картцех Московского аэрогеодезического предприятия инженер-картограф Н.А. Рожкова и проработала больше 30 лет. Начав с составления карт различных масштабов, Надежда Алексеевна стала одним из лучших гипсометристов цеха. Грамотный специалист, она быстро осваивала новые процессы, отличаясь исключительной аккуратностью в проработке всех элементов нагрузки карты. С 1950 по 1967 год возглавляла составительскую группу и бригаду составителей-гравёров. В 1967 году Надежда Алексеевна работала в должности старшего инженера-редактора и редактировала все виды карт в цехе. Многие сотрудники помнят её не только как замечательного специалиста, но и очень интересного, жизнерадостного человека. Надежда Алексеевна в любой ситуации не теряла присущее ей чувство юмора, могла личным примером вдохновить коллектив на трудовой подъём. Она искренне любила молодёжь и принимала самое горячее участие в становлении специалистов.

— Как вашего сына зовут? Есть ли у вас внуки?

— Владимир. У него сначала появилась Машенька, дочка, а потом сыночек — Юрочка. Машенька заканчивает Полиграфический институт, а внук в какой-то компании работает. Владеет компьютером, иностранным языком, сам на машине ездит.

— То есть сын и внуки далеки от искусства?

— Абсолютно. Когда Вовка, сын, был маленький, мы начали его учить на фортепиано. Он заинтересовался. Играл, занимался. Потом этот интерес пропал, а я не стал настаивать. Ведь это по наследству не передаётся, это Господом даётся...

Заслуженный работник культуры РФ

Н.Л. Фарехетдинов:¹⁴

В 1948 году Михаил Рожков и Геннадий Быков пришли в Оркестр имени Осипова, где я тогда работал, и играли дуэтом. Мне очень понравилось их выступление. Они играли без сопровождения, и мне показалось, что сопровождение совсем не нужно. Прекрасно звучит, прекрасно сливается, особенно мне понравилась вариация в терцию — волшебные звуки! В основном они играли народные песни. Это было первое моё знакомство с Рожковым.

¹⁴ Беседа автора книги с Н.Л. Фарехетдиновым состоялась 28 апреля 2006 года.

Потом, не знаю почему, я был должен к нему попасть. Он тогда жил в районе Курского вокзала. Иду туда, у них комната в общей квартире (там 5 или 8 комнат). Мне открыли дверь, я иду в их комнату, там открывает их бабушка, его сын ещё маленький был совсем. Я спрашиваю: «Михаила Федотовича можно?». Она говорит: «Он в ванной». Я подумал, что в ванной он купается. Но всё-таки я приблизился к ванной, и что-то там шорох какой-то! Дверь открыта, я захожу, смотрю: он сидит и занимается на балалайке. Обвязал струны платком и обрабатывает технику.

Арест Г. Быкова (1949)

— Расскажите, почему арестовали Быкова? Как вы узнали об этом?

— Арестовали его в 1949 году. Ночью я пошёл в туалет, смотрю, дверь в его комнату открыта. Я говорю: «Гена, ты почему не спишь?» А из комнаты выходит сотрудник КГБ и говорит: «Он уже внизу, в машине». Потом он оставил мне телефонный номер, чтобы с ними связалось начальство Москонцерта и тоже было в курсе.

Очень жалко, такой талантливый человек! Не только как музыкант, но и как поэт. Он написал стихотворение, которое напечатали в газете под портретом Сталина:

Ты — отец Отчизны и народа.

И народ, и Родину ты спас.

Ты провёл сквозь огненные годы

И привёл к победе славной нас.

А потом его посадили. Сажали ведь ни за что! Он выпьет — и начинает анекдоты рассказывать. А потом он даже меня стал подозревать, что это я его продал!..

Надо сказать, что во многое мы верили. Потому что Сталин здорово поднял страну. При нём, в принципе, было много положительного. Сейчас чиновников-болтунов полно, а вот если бы был Сталин — он бы половину болтунов убрал.

— Но незаконные репрессии перечёркивают, конечно, его заслуги...

— Ему некогда было заниматься этими делами, он только говорил: это убрать, это убрать... А в КГБ была создана тройка, которая вершила правосудие... Да, безобразие, многие сидели без вины. Был, например, посажен очень интересный балалаечник Сергей Большой.

— Я слышал, что и четыре ваших брата были репрессированы.

— Да. Дмитрий получил 10 лет и еще 7 лет ограничения в правах за анек-

дот, рассказанный где-то. Он был освобождён после смерти Сталина. Это была судьба всех болтунов-анекдотчиков. Так как он был прекрасным строителем, его сослали в Среднюю Азию. Он строил канал на станции Чу, а также дома, в том числе здание ЦК партии. За это ему дали 4-комнатную квартиру на всю семью. Он женился, его жена была уже с ребёнком, она тоже из лагеря. Потом у него и свой ребёнок родился, и на четыре человека им дали такую большую квартиру. Я прилетел к нему по дороге из Ташкента, специально попросил билет через Фрунзе, и мы увиделись через 17 лет на берегу Чуйского канала. Сидели, выпивали и плакали.

А Бориса взяли одновременно с Евгением, комендантом аэродрома. Они получили сроки поменьше — 4–6 лет. Но Бориса направили работать в Бодайбо — это знаменитые шахты в Сибири. Там под землёй, на большой глубине добывали золото. Это сказалось на здоровье брата, и у него потом всю жизнь была астма. Такая вот судьба. Только меня не тронули, потому что после войны я сразу стал известным артистом. И когда судили моего брата Глеба — изобретателя, в ЦК партии пришло указание: «Младшего Рожкова не трогать...» Потом меня вызвали в прокуратуру на Пушкинскую и сказали: «Вызвали вас последний раз, есть указание ЦК партии вас не трогать». И так вот я зажил спокойно.

— Вы были членом КПСС?

— Был, ещё на фронте вступил.

— А каких сегодня придерживаетесь политических взглядов? Продолжаете поддерживать коммунистов?

— Нет, на ближайших выборах я буду голосовать за партию власти: я считаю, что главное — чтобы в стране был порядок. Мы должны объединиться, чтобы вместе идти вперёд, к своей цели.

— При Сталине все тоже объединились, однако многие после этого оказались в лагерях. Хотя это, конечно, спорный вопрос... Как же вы выступали без Быкова?

— Было трудно, ведь концерты уже намечены! Пришлось мне выступать одному. В Москонцерте работало очень много пианистов-концертмейстеров, но я отобрал 13 лучших. Договорился с Ниной Александровной, их заведующей, чтобы, когда на концерт еду я, туда направляли одного из этих 13 человек. И стал я каждый день ездить к ним домой и репетировать. Сегодня — к одному, завтра — ко второму. Окаёмова жила на Ленинском проспекте, Ашкинази — у Покровских ворот... Лернер, Брехес, Ерохин... в общем, я мотался по всей Москве. Вечером прихожу на концерт, к концертмейстеру очередь: жонглёры, фокусники — все суют ему рваные бумажки, кому что надо сыграть. А у меня уже всё отрепетировано.

— Расскажите, как вы закончили Гнесинский институт и начали там преподавать.

— В 1953 году я с отличием заканчиваю Гнесинский институт, готовлю к экзамену по дирижированию с хором и симфоническим оркестром «Поэму о Сталине» Хачатуряна. В этом же году Тихон Хренников хотел мне дать Сталинскую премию, потому что я сыграл сюиту его ученицы, и ученица получила на композиторском конкурсе первую премию. Но Сталин-то умирает! И у меня «накрывается» и госпрограмма, и Сталинская премия. Срочно мы с дирижёром решили: я буду дирижировать Народным оркестром радиокомитета. Срочно берём Первую симфонию Калинникова, я её выучиваю буквально за 3–4 дня наизусть. На выпускном экзамене Василенко мне поставил не «пять», а «пять с плюсом».

И сразу Гнесина говорит:

— Всё, голубчик, пять лет преподавать будешь!

— Не люблю это дело, не хочу, не умею это делать, — отбрыкиваюсь я.

— Нет, ваши умения надо передавать молодым.

— Как к вам относилась Елена Фабиановна Гнесина?

— Ой, хорошо, прекрасно! Я завоёвывал всё время первые премии на внутреннем конкурсе института за исполнение произведений советских композиторов. И Гнесина мне их вручала так: сидит за красным столом среди профессуры и говорит:

— Эту первую премию мы вручаем будущему профессору балалайки, талантливому музыканту, Михаилу... Как фамилия этого бандита? А!.. Рожкову!

Потом она добилась, чтобы мне, ещё студенту пятого курса, в виде исключения разрешили преподавать в институте.

— Сложно ли было совмещать педагогическую работу с концертной деятельностью?

— Я брал отпуск в институте и ездил на гастроли. Но и в Москве было много концертов. Звонит министр культуры РСФСР Попов и говорит: «Михаил Федотович, запишите, завтра у вас приём в германском посольстве, послезавтра — во французском, через неделю — английское посольство». Вот такая была работа.

— Я видел в вашем архиве визитную карточку Аугусто Пиночета с приглашением: «Посол Пиночет просит оказать ему честь и присутствовать на банкете...» В это время он был послом Чили в СССР.

— Такие приглашения в посольства в голодные годы — это было в самый раз, потому что тех, кто принимает участие в приёмах, угощают. Красная икорочка, сёмгушка... Всего этого было достаточно. Поэтому я там подпитывался. А потом мне нужно ехать на занятия к студентам. Я приходил в институт, заходил в 34-ю комнату, брал журнал и спрашивал, в каком мне классе сегодня заниматься. Короче говоря, я в воскресенье прихожу на занятия, а Елена Фа-

биановна едет на своей тележке по коридору, увидела меня и манит пальцем. Я подхожу: «Слушаю вас, Елена Фабиановна, что-нибудь случилось?» Она ещё манит, чтобы поближе подошёл, а потом говорит: «Ну-ка, дыхни на меня... Ничего подобного, трезвый. Ах, она, старая сплетница, говорит, что ты в нетрезвом виде появляешься перед студентами! Ну я ей теперь!» Так я узнал, кто меня продаёт! Представляешь, какая жизнь забавная у меня!

— Сколько у вас было учеников?

— Мало. Я сказал Илюхину: «Александр Сергеевич, ну какие у меня сейчас могут быть ученики? Во-первых, я артист Москонцерта, у меня хорошая зарплата. Потом, какой я педагог? Горе!» Так, для приличия, человек пять было. Кроме этого, ещё будучи студентом института, я вёл ознакомление с балалайкой у баянистов. Представляешь, «обязательники» у меня были, человек пять-шесть: В. Федосеев, А. Беляев — все самые теперь знаменитые баянисты. Они младше курсом шли меня. Я говорю: «Толку от вас, ребята, всё равно не будет, вы не теряйте времени. Мы должны заниматься — давайте пройдем. Вот балалайка, три струны, вот бряцание...»

А потом ко мне зимой вдруг приезжают из Ленинграда А. Шалов и Н. Щучко. Вот какая история! Меня из-за Щучко не пустили в 1939 году на конкурс в Москву, а тут он приехал получить высшее образование, — и его ко мне в класс:

— Здравствуй, Николай Иванович!

— Приветствую, Михаил Федотович!

А я потом играл этот «Галоп» из кинофильма «Моя любовь», с которым Щучко приезжал на конкурс. Даже записал его с оркестром.

— Как вы занимались с Шаловым? Наверное, это вы его так вдохновили, что он стал известным композитором, сделал для балалайки много замечательных обработок народных песен?

— Привели ко мне ученичка... Вдруг смотрю — а он пальцем сразу три лада зажимает! Пальцы как сосиски! Я говорю:

— Как же мы с тобой играть будем?

— А я свою пьесу принёс, — ответил Саша и сыграл мне... Это была его «Чешская полька», я её первый услышал. Я говорю:

— Сашенька, ты же замечательный композитор! Здорово! Давай, работай в этой области! У тебя толстенные пальчики, они тебе не позволят много сольной игры, а пьеса у тебя замечательная, — я его прямо вдохновил, — я не буду тебе навязывать программы, ты сам делай обработки. Бери темы — и работай, работай...

— А всё-таки, какие программы вы проходили с учениками?

— Щучко вообще был старше меня, я им ничего не навязывал. Ковырялись над чем-то с Шаловым, я уж не помню. Он обработки делал, я влезал в это дело, говорил, какие лучше вариации, как их делать. Нам было о чём подумать, он советовался со мной. И потом программу мы какую-то сделали.

— Почему вы ушли из института и перестали заниматься преподавательской деятельностью? Не было ли у вас каких-то разногласий с другими педагогами?

— Нет, какие разногласия? Тогда в институте балалайку преподавали только Илюхин и я. А Илюхин очень уважал меня, даже поместил в своём «Самоучителе игры на балалайке» мою фотографию, потому что считал меня первым в этом деле.

Я удрал из института при первой возможности, потому что считаю, что не моё это дело: сидеть в классе, очень умно корректировать всех, оценки ставить, писать в тетрадках о способностях учеников. Я был приглашён на экзамен, где выслушал 14 раз Баха на баяне. 14 раз! После этого я ненавижу баян!

Сиди на уроках, сиди на экзаменах... это уже не балалаечник, это — педагог. А я всю жизнь стремился быть именно балалаечником.

Эстрадный оркестр Москонцерта (1953)

— Расскажите, как вы руководили эстрадным оркестром Москонцерта в 1953 году.

— До меня этим оркестром руководил В. Попонов, но успеха оркестр не имел, и его хотели даже разогнать. Я оставил только лучшие пьесы из их репертуара, постарался каждую сделать изюминкой. «Коробейники» сделал по-своему, там в начале пьесы повисают аккорды красиво... Обычно их слишком быстро играют. Ещё мы «Камаринскую» исполняли. Я говорю: «Пусть народ поймёт, как изумительно звучат наши инструменты, какой тембр прекрасный!» Сделали эти пьесы так, что зал грохотал. Вот в чём прелесть! У нас были четыре пьесы, которые бисировались обязательно по два раза. Я ввёл ложки, брёлки, жалейки, кугиклы. И сам играл на балалайке, на этих инструментах и дирижировал. Я говорил руководству: «Мы больше, чем кто-либо, имеем право быть эстрадным оркестром, мы же от скоморохов произошли!» Таким образом я утвердил свой оркестр. Мы поехали на гастролы в один город, в другой, потом на Украину, в Среднюю Азию...

— Почему этот оркестр так недолго существовал?

— Очень быстро я понял, что значит быть руководителем эстрадного коллектива. В оркестре быстро нашлись недовольные, начались суды-пересуды, нервотрёпка, мышьяная возня... Теперь я понимаю, что иногда мне не хватало педагогического такта, порой я был излишне вспыльчив и несдержан в своих эмоциях.

У меня на рожке играла сестра генерального директора цирка. А я выгнать её не могу. Мне художественный руководитель говорит: «Я у этого гене-

рального директора раньше работал в цирке — и я выгоняю его родственницу из своей организации? Неудобно получается».

Меня уже давно тянуло просто к балалайке, которая безропотно выдерживает все мои эмоции. В это время я уже начал выступать с гитаристом Георгием Миняевым. И когда кто-то из оркестрантов написал на меня жалобу в Министерство культуры, я подал заявление об уходе из этого коллектива. И их всё-таки разогнали.

Заслуженный работник культуры РФ

Н.Л. Фарехетдинов:

В оркестре при Москонцерте я работал солистом и концертмейстером. Там Рожков провёл колоссальную работу. В то время в оркестрах совсем не было ложек и жалеек. К нам на репетиции приходил гуслияр В. Беляевский и показывал, как надо стучать на ложках. Он прекрасно владел ложками. На жалейках нас учил М. Вахутинский, он тоже работал у Рожкова. И на концертах часть оркестрантов играла на ложках, другие — на жалейках, и тем самым получалось сближение с народом.

Состав оркестра был, конечно, не тот, чтобы качества дирижёрские показать, но Рожков был очень требовательным руководителем — и он делал пьесы!

Наши выступления проходили «на ура». Мы много гастролировали: были в Сибири, в Прибалтике — и везде с очень большим успехом. Многократно нас записывали на телевидении, очень часто в те годы передавали по радио.

Дуэт с Г. Миняевым (1956)

— Ваш дуэт с гитаристом Г.И. Миняевым (1912–1972) появился в 1956 году и стал первым профессиональным ансамблем такого состава. Как вы с ним познакомились?

— С Миняевым мы были знакомы ещё со времени работы в ансамбле ЦДКА, где он играл на домре-бас. Потом, когда правительство решило восстановить Госоркестр, всех музыкантов этого коллектива вызвали с фронтов, и его в том числе.

— Не пробовали ли вы до этого играть с гитарой?

— До этого я к гитаре совсем равнодушен был. А тут случилось, что на концерте в Центральном доме культуры железнодорожников мы ждали певца И. Козловского, ему аккомпанировал гитарист Иванов-Крамской. А ещё готовилась выступать певица Ружена Сикора, которой аккомпанировал Миняев.

И я говорю ему: «Жора, ну-ка подыграй мне на гитаре! Мне очень нравится звук твой». Он заиграл, и я говорю: «Саккомпанируй мне романс». И начали мы с ним играть. Это был романс «Я встретил вас». И вдруг все за кулисами замерли...

— У кого учился Миняев?

— Он учился в Октябрьском училище, по-моему, у П.С. Агафошина.

— Где вы репетировали?

— Некоторое время репетировали даже в церкви у Покровских ворот. Мы забирались на каланчу, там никого нет, и репетировали. А внизу там Дворец культуры был. Сейчас в этой церкви служат.

— Как проходили ваши репетиции? Как появлялся новый репертуар для балалайки и гитары?

— Я ему говорю: «Жора, ре мажор!» Ну, аккорды-то он знает. А потом, мы же все прекрасно на слух играли. Я по нотам разбираю всё, учу пьесу, а потом даю ему ноты, говорю: теперь ты выбирай себе то, что надо для гитары. Очень просто всё, мы же образованные музыканты.

— Вам легко с ним было играть?

— Да, мы дышали вместе, он был прекрасный ансамблист. С гитарой мы слились так, что теперь никакой другой аккомпанемент меня так не греет, как гитара. И я всё бросил и сделал с гитарой дуэт. Пятнадцать лет с одним играл, потом он умер; пятнадцать лет с другим — с Юрием Черновым — играл, этот умер... Старики...

— В чём преимущества гитарного сопровождения?

— Я выступал в дуэте с фортепиано, гитарой, баяном, арфой. Иногда мне кажется, что струнные и клавишные инструменты вообще не должны рядом быть. Дуэт с фортепиано часто «спотыкается» о плохо настроенные инструменты. Сколько раз мне самому приходилось непосредственно перед концертом хоть как-то настраивать разболтанные местные рояли! А баян — это 17 килограммов, которые надо таскать за плечами. Мне говорил В. Гридин: «А ну-ка, потаскай!» Балалайка и гитара всегда с нами, всегда в форме. Мы можем поехать куда угодно, в любой момент готовы к выступлению.

Балалайка С. Соцкого

— Вы всю жизнь играете на балалайке С.И. Соцкого. Это мастер старшего поколения, прямой продолжатель дела С.И. Налимова. Он — лауреат первого Всероссийского конкурса музыкальных мастеров, и его инструменты отличаются высоким качеством звука. Но всё равно удивительно, что вы так долго остаётесь верны одному инструменту. Расскажите о нём.

— С этой балалайкой связана одна неприятная история. Я очень часто

выступал с оркестром имени Осипова. И однажды должен был играть с ними в Зале Чайковского под управлением Александра Борисовича Позднякова. Он тогда был педагогом Музыкального училища имени Октябрьской революции, он там руководил оркестром народных инструментов. Умный, хороший очень педагог. Потом он стал профессором Гнесинского института.

Накануне выступления он позвонил мне и говорит: «Ты всё-таки приезжай сегодня в училище, где я сейчас работаю, мы с тобой пробежим партитуру, я её взял с собой». Я говорю: «Хорошо, подъеду. Только у меня сейчас температура, насморк, голова болит — я больной. Но подводить не буду, завтра сыграю и даже сейчас приеду к тебе на репетицию».

В Москве тогда только появилась новая машина «Победа» в таксомоторном парке, и в этой машине я поехал в Октябрьское училище. Стоило рубль доехать от моего дома до училища на такси, и я поехал. Но дал шофёру не рубль, а два рубля почему-то или полтора. Хотел балалайку взять с собой, а он говорит: «Давай её в салон положим». У музыкального училища я вышел, забыл про балалайку-то, а он поехал! Я стою и жду: «Сейчас вернётся. Сам клал балалайку назад!» Полчаса прождал — нет его. Тогда я пошёл в училище, а там балалайки звучат во всех коридорах! Меня, конечно, узнали все: «О, Рожков пришёл!» Я выбрал себе балалайку самую лучшую, взял её и пошёл к Позднякову на репетицию.

Почему-то я был уверен, что водитель вот-вот подъедет, найдёт меня. Но он оказался бессовестным человеком! Надо было бы мне полазить по паркам, по гаражам — я бы его узнал. На футляре была металлическая монограмма с фамилией «Рожков». Моя фамилия всё время по радио, по телевидению звучит! А этот жулик ещё и получил за проезд в два раза больше!

Ну, а главное, завтра выступление! Я вспомнил, что на такой же балалайке играет один балалаечник в Краснознаменном ансамбле. Взял у него балалайку Соцкого, натянул новенькую струнку и сыграл концерт в Зале Чайковского на его балалайке, как на своей.

А моя балалайка так и не вернулась. Я просил, например, у Тихонова (у него две налимовские балалайки), обращался к балалаечникам: «Помогите, дайте», — никто не откликнулся, никто не помог, и я кое-как перебивался, играя в программах Москонцерта на разных балалайках.

Но однажды... Я ездил по улицам на мотовело — у меня был велосипед с мотором. Еду по бульварному кольцу, по маршруту трамвая «А», только что проехал Трубную площадь, и вдруг меня окликает на этой площади один баянист:

— Ты играешь на балалайке Соцкого?

— Да.

— У тебя спёрли балалайку, уехал шофёр?

— Да.

— Слушай, на Петровке есть комиссионный магазин, там продаётся балалайка Соцкого за 50 рублей.

Я бегом туда, въезжаю в магазин на велосипеде прямо:

— Где балалайка Соцкого?

— Только что был мастер какой-то вроде, замухрышка такой, невысокого роста, профессионально разглядывал эту балалайку и купил её.

А я всех мастеров в Москве знаю, и тут же сообразил, кто это. Я к нему во двор, бросил велосипед, бегом на второй этаж, где он жил. Влетаю в комнату — на кровати лежит балалайка.

— Соцкого? Только что купил за 50 рублей в комиссионке?

— Соцкого.

— Сколько за неё хочешь?

— 100 рублей.

— Договорились.

Я поехал за бутылкой, но сказал ему: «Поправь пока подставку, панцирь — приведи в порядок балалайку».

Поехал домой, схватил деньги, купил литр водки, колбасы большой батон, хлеба чёрного и белого. Приезжаю:

— Вот тебе сто рублей, вот водка, закуска — и мы начали пить с ним.

Я быстро, за полгода сносил лады. Они мягкие, мельхиоровые, на них звук хороший. Я попросил их поправить другого мастера — Токарева, с которым дружил больше всего. Я ему обычно отдавал балалайку: вот, лады сносились, — и на следующий день он её мне возвращал. Вот какой Токарев был мастер! Представляешь, 24 лада снимает и новые ставит!

— Теперь вы играете на стальных ладах?

— Стальные лады я первый начал ставить, когда устал постоянно их менять. От этого травмируется накладка под ладами, поэтому приходится и новую накладку ставить. Раза два я менял накладку, меняли мне половину лада только — всё равно не помогало. С тех пор у меня стальные лады, и ничего с ними не происходит.

— А звук изменился после этого?

— Конечно, некоторый металл есть в звуке, но, по-моему, он ярче стал ещё. Я играл в Парке культуры и отдыха, в садах, в Зелёном театре, на берегу Оки — и где бы я ни играл на открытом воздухе, у меня балалайка слышна прекрасно. Металл, сталь — она даёт свои качества звуку. А потом, если игрой, пальцами отшлифовать — сталь, наверное, помягче будет. Тембр звука в налимовском инструменте (например, у Тихонова) отличается бархатом. А у меня пробивной звук. Когда я играл с оркестром Осипова, мне музыканты говорят: «Как хорошо с вами играть: всех балалаечников никогда не слышно, а вас — всё до нотки слышно». Поэтому меня любят все музыканты.

— Каких современных мастеров вы цените?

— Мы дружим с Валентином Ивановичем Богомоловым. Знаешь такого мастера?

— Да, я неоднократно обращался к нему.

— Он говорит: «Михаил Федотович, я ведь Вами рождён, я благодаря Вам стал мастером», — и это правда. Недалеко от нашего дома, как направо спустишься, есть яма, там озеро, и в этой яме раньше стояло здание Щитовской фабрики народных инструментов. У меня в комнате гитарка висит, сделанная на этой фабрике. Однажды я пришёл туда по приглашению главного инженера фабрики. Смотрю, один мальчишка ходит туда-сюда, подаёт дощечки, подметает... Я посмотрел и говорю:

— Что ты болтаешься? Все мастера, все работают, многое умеют. А ты что умеешь?

— А я подмастерье.

— А ну-ка, сделай сам балалайку. Я живу рядышком. Принеси, покажи.

Представляешь себе, через неделю мне этот парнишка приносит балалайку. Чугун он принёс мне! Я говорю: «Пока не очень», — но дал за неё деньги и сказал, чтобы сделал ещё. А эту балалайку отнёс в музыкальную школу. Потом Богомоллов приносил мне ещё 4–5 инструментов. Я заставил его снять все размеры с налимовской балалайки, с моей балалайки Соцкого. Говорю: «Сделай такую же!» И он делал, приносил. Потом секунды, альты, контрабасы стал делать. Строишь — мастер начал зарабатывать деньги. И ты его знаешь.

Глава 4. Паганини русской балалайки

Однажды Надежде Ивановне понадобилось уехать на три дня в Санкт-Петербург, и она попросила меня навестить Михаила Федотовича, так как беспокоилась, оставляя его одного.

Мне очень хотелось лучше узнать его, и в назначенный день я отправился по указанному адресу. После продолжительного звонка Михаил Федотович открыл мне дверь. Он сказал: «Привет. А я смотрел телевизор и забыл, что ты должен прийти. Раздевайся». Я огляделся и увидел два шкафа для обуви. Рожков пояснил: «Здесь тапочки для гостей моей жены, а здесь — для моих гостей. Выбирай любые».

Я переоделся, и он повёл меня на кухню. Попутно осведомился, откуда я еду, давно ли я ел и что хочу покушать. Я ответил, что предпочёл бы выпить чашку чая. Михаил Федотович немного растерялся. Только потом я узнал, что они с Надеждой Ивановной уже давно вместо чая пьют компоты, заваривают разные травы и сушёные ягоды.

— Михаил Федотович, а где у вас чайник? — спросил я решительно, так как подумал, что пора начать ухаживать за маэстро, заменив ему Надежду Ивановну.

— Ага! Ты уже хозяйничать решил! Ну-ка, садись и ничего не делай.

Михаил Федотович достал откуда-то снизу трёхлитровую банку с отстоявшейся водой (я заметил на её дне три серебряные ложки), налил этой воды в кастрюлю и поставил её на плиту:

— Сейчас будет тебе чай. А не хочешь ли выпить чего-нибудь более крепкого?

— Нет, спасибо, я не пью.

— Вот и я тоже пообещал Надюше не пить. Хотя известно, что те же пивные дрожжи, например, необходимы организму человека, а бокал хорошего вина ничего, кроме пользы, не приносит... А вот это напрасно! — воскликнул он, когда я начал доставать из сумки свои съестные припасы. — Ты что, ехал в голодный край? Посмотри, у меня холодильник полный. Кто же это всё съест?

— Надежда Ивановна приедет из Петербурга голодная, и вы её покормите.

Вода в кастрюле закипела, и Михаил Федотович стал половником наливать кипяток в чашки.

— Вот Надюша удивится, когда узнает, что мы с тобой чай пили!

После чая состоялась экскурсия по квартире. Со стен на меня смотрели выдающиеся музыканты, которые на протяжении многих лет восхищались искусством Михаила Федотовича. Я увидел сувениры, подаренные многочисленными поклонниками, афиши самых значительных его сольных концертов.

— У меня много афиш, но они хранятся под ковром. Мы сейчас по ним ходим.

Меня очень удивил такой способ хранения ценных документов. Афиши занимали почти всю площадь комнаты. Достать многие из них было сложно, так как они были даже под диваном.

В другой комнате моё внимание привлекла коллекция струнных щипковых инструментов, развешанных вдоль стены. Балалайки, мандолины, гитары... К каждому инструменту привязана бумажка-этикетка с названием.

— У каждого инструмента есть своя история, — сказал Михаил Федотович.

Напротив, на книжных полках — две свадебные фотографии Михаила Федотовича и Надежды Ивановны Рожковых. Также отдельное место выделено для нот и для книг, в которых говорится о Михаиле Федотовиче. Я очень заинтересовался ими, и хозяин согласился дать книги мне посмотреть. На другой стене карта.

— Если взглянуть на карту моих гастролей, трудно найти город, где бы я не побывал. Конечно, самое ценное в поездках — это волнующие встречи со зрителями, — сказал Михаил Федотович. Мы вышли на балкон. Был прекрасный весенний день. Не умолкая пели птицы.

— На балконе я по утрам делаю зарядку, — сказал мне Рожков, — а шкафчики здесь я сделал сам. Недалеко от нашего дома находится Черкизовский рынок, и я люблю туда ходить гулять, как ходил в Нижнем Новгороде в детстве на ярмарку. На ночь я обычно читаю Пушкина. Мы вернулись в комнату, он взял с полки книгу и прочитал:

«Пятнадцать лет мне скоро минет;

Дождусь ли радостного дня?

Как он вперёд меня подвинет!

Но и теперь никто не кинет

С презреньем взгляда на меня...»¹⁵

...Но пришло время его занятий. Михаил Федотович взял в руки балалайку, обмотал струны платком и стал стучать по ним пальцем. Сначала медленно и тихо, а потом всё быстрее и громче. По приглушённым звукам угадывались пьесы из его репертуара.

— Смотри, как я занимаюсь. Сначала нужно, чтобы пальцы разыгрались, привыкли к струнам. Когда я почувствую, что разыгрался, я сниму платок, — он убрал платок, попробовал сыграть... — Нет, рано ещё, — и он снова завязал струны.

— Михаил Федотович, разве есть польза от таких занятий? Я никогда не слышал, чтобы так занимались, — удивился я.

— А я всю жизнь так занимаюсь. Мой смычок — это мозоль на указательном пальце, который что ни крепче, то звук сильней и лучше. Вот я и тренирую этот мозоль при малейшей возможности. И говорят, что у Рожкова звук хороший, хорошая техника. Всё это — результат моих миллионов ударов по струнам. Когда у меня заболел указательный палец — я начал тренировать второй, средний палец. И играл им, пока указательный палец не прошёл.

— У вас специально балалайка настроена на полтона ниже?

— Да, в последнее время я стал так её настраивать. Так легче играть.

Гастроли по СССР

— Недавно на своём концерте Александр Цыганков назвал вас «старым москонцертным волком».¹⁶ Уже 74 года вы работаете только как солист-балалаечник. Это редкий случай, потому что обычно исполнители сочетают вы-

¹⁵ Михаил Федотович очень любит поэзию. По словам Надежды Ивановны, он иногда даже начинает говорить стихами: «Купил он мне посуду новую, написал записку:

Бери, Надюша, не робей.

Хочешь — мой, а хочешь — бей!

У него по разным поводам, самым обыкновенным, четверостишия. Они все короткие и такие боевые».

¹⁶ Концерт А. Цыганкова и И. Шевченко состоялся в ЦДРИ 15 ноября 2007 года.

ступления с педагогической или какой-либо другой деятельностью. Наверное, поэтому вы и добились такой большой популярности у слушателей. И в настоящее время вы продолжаете ездить на гастроли. Насколько тяжело так долго выдерживать график гастрольной работы?

— Дело в том, что моя балалайка везде пользовалась огромным успехом. Она всегда была главным номером программы, и это меня вдохновляло на дальнейшие концерты. Около меня была концертная бригада: певец, певица, баянист... Вот таким маленьким коллективом мы ездили, давали концерты. Какие машины были! На таких машинах осенью — грязь, холодрыга...

— В вашем архиве я нашел афишу, в которой приводится состав одной из концертных бригад:

Всероссийское гастрольно-концертное объединение

Эстрадный концерт. Игорь Рожнятовский (героика, лирика, юмор). Тамара Полянская и Виктор Тарабукин (народные танцы.) Диляра Бикчурина (жанровые и лирические песни). Мария Парфёнова (ксилофон). Михаил Рожков (балалайка). Татьяна и Сергей Кушашниковы (иллюзия). Ася Клебанова (рояль, аккордеон). Концертмейстер — Ася Клебанова.

Концерт ведёт Игорь Рожнятовский.

Из этого состава понятно, какие разные жанры и виды искусства могли сочетаться в одном концерте. Как же надо было играть, чтобы не фокусы и не танцы, а именно балалайка для зрителей была главным номером! На афише не указаны ни дата, ни место концерта. Следовательно, она печаталась для гастролей и появлялась на улицах самых разных городов. Не помните, куда вы ездили с такой программой?

— По-моему, это была поездка на Дальний Восток. Да, мы даже плыли на катере.

— Вас на концерт возили на катере?

— Да. Дальневосточная филармония «сунула» нас в концерты на Сахалине. Началась буря, а мы в самом катере были. Мы там сидим, а через нас волны...

— И как?

— А ничего!

— А морская болезнь?

— Нет, после моих семи лет в военном ансамбле! Милый мой! Я там прошёл огни, воды и медные трубы.

— Действительно, ваш фронтовой друг Александр Цвей, преподаватель Московского автодорожного института, сравнивает вас с Василием Тёркиным:

... Если б был он в гимнастёрке,

Каждый сразу бы узнал:

Это же Василий Тёркин

Балалайку в руки взял.

Стоит целого оркестра
Балалаечный солист...
Низкий Вам поклон, маэстро!
Божьей милостью артист!

Встречи со зрителями и артистический успех, конечно, всю жизнь вливают в вас новые силы. Но длительные переезды в плохих условиях, бытовые неудобства, оторванность от семьи, от друзей... Оправдано ли это было в советские годы в материальном плане?

— Я приехал, помню, в Магнитогорск — новый индустриальный город в Сибири. Новые заводы, доменные печи — сколько там их! У доменных печей свои клубы. На заводе делают часовой перерыв, и мы на этот час даём концерт. Он проходит с огромным успехом! Мы провели 10 концертов, они в восторге и говорят: «Давайте ещё 10!» Звонят в Москву в Москонцерт — а там: «Не разрешаем, фонд зарплаты превышает». Они министру Фурцевой: «Дайте нам Рожкова!» — и Фурцева даёт команду в Москонцерт: «Ещё 10 концертов». Так что зарабатывал я прилично: семья была обеспечена.

— Какие ещё гастролы и концерты вам запомнились?

— Да много было разных поездок! Республик у нас было пятнадцать, и по всем меня гоняли. В то время устраивались декады русской культуры по республикам, на все декады были нужны хорошие артисты. Ездил и по Восточной Европе, по странам народной демократии: Венгрия, Польша, Чехословакия, Германия... Дальше меня долго не выпускали из-за репрессированных братьев.

— Но в Прибалтике, наверное, не очень хорошо принимали русских?

— Не могу так сказать, потому что мою балалайку везде принимали. Вот, пожалуйста, в Кракове, в городском Оперном театре был наш концерт. Приехали очень хорошие артисты, сильные номера. После концерта мы все вышли на сцену. Нас было примерно 16 человек, в том числе Рина Зелёная. Я встал с краю, в сторонке. Нас благодарят, и выходит делегация детей с цветами. Все дети идут ко мне! (смеётся — А.В.). Тогда решили меня в середину ставить! И я вынужден был выучить: «Нех живы вшиязнь радеца, нех живы вшиязнь Варшава...»

— Что это такое?

— Это я целую речь говорил. Мне пришлось выучиться. А в Германии я говорил: «Унд гецт цай ви ин ви айфа балалайка, ту шпин, ин ист энстезайтен...»

— Как жалко, что я не знаю ни немецкого, ни польского!

— А какой язык ты знаешь?

— Английский, но очень немного.

— Английский — это хорошо, это самый популярный язык. Я сколько встречался с иностранными артистами на гастролях — и как я жалел, что не знаю английского языка!

— А вы какой изучали?

— Немецкий всю жизнь: в школе, в музыкальном училище, в институте... Ненавижу его, но эрудиции он прибавляет.

— Забывается всё это быстро. Вот вы ещё что-то помните.

— А в школе мы пели... (поёт на немецком — А.В.). Однажды я приехал на гастроли в Германию, вместе со мною был небольшой ансамбль из Нижнего Новгорода. Мы давали концерт, нас хорошо принимали. Когда сыграли, немцы долго смолкнуть не могли. Тогда я подошёл к микрофону: «Ахтунг!» — и сразу всё смолкло. Немцы же очень дисциплинированные.

— Что это значит?

— «Внимание!» Злая команда, как собачий лай.

Общение со слушателями

— Почему вы стали разговаривать со слушателями во время концертов?

— Потому что ведущие концертов занимаются пропагандой своего имени: поют куплеты, рассказывают свои одесские шутки, анекдотики, прибауточки — то есть они говорят текст, не имеющий отношения к данному артисту. У этих болтунов, которым поручено вести программу, мало культуры. Брунов сам мне говорил: «Почему тебе не дают звание народного артиста? Ну, мне не дают понятно почему: я рассказываю старые еврейские анекдоты, а тебе пора уже». Исключением был только конференсье Амурский, который, перед тем как нас выпустить, говорил: «Бывают разные инструменты, вот сейчас выйдет музыкант, играющий на маленьком инструменте. Но, друзья мои, это такой большой артист, что он достоин серьёзного внимания. Этот маленький инструмент звучит полным голосом. Я слушал концерт Василия Андреева, отца русской балалайки, основателя первых оркестров. Это он обнаружил балалаечку, усовершенствовал и выпустил во фраке на сцену». Вот как тепло он говорил! И публика была настроена. Когда я выходил на сцену — уже буря аплодисментов была. Вот какая роль у ведущего!

— В вашем творчестве, на мой взгляд, произошло слияние академического искусства и эстрады. Признайтесь, ведь очень многое вы взяли у Брунова и других окружавших вас эстрадных артистов?

— Я наблюдательный парень. Послушал этих ведущих и придумал свой текст. Выходил и рассказывал: русский, благородный человек, миллионер, патриот — Василий Андреев — услышал случайно в деревне эту балалаечку, влюбился в этот звук и забыл всё на свете, несмотря на то, что играл на фортепиано, на скрипке и на 15 инструментах. Публика мне говорила: «Ой, как интересно вы рассказывали!» А Брунов вдруг говорит: «Почему ты разговариваешь? Разговаривать на сцене — это моя профессия, а не твоя!» И у нас начался с ним конфликт. Дошло до того, что в Колонном зале Дома Союзов я сыграл две пьесы

сы, вышел на поклон — а он дал команду после этих двух пьес убрать стулья. А публика аплодирует! Я же играю не так, чтобы после двух пьес уйти! Публика аплодирует, и всё! Я моментально ориентируюсь на сцене — и говорю в микрофон: «Товарищ Брунов, будьте любезны, верните два стула на сцену!» Ничего не поделаешь! Пришлось ему вернуть стулья, то есть занять своё место, на котором ему полагается быть — помощником у артиста, а не вместо него. Зато после концерта он: «Ну, я тебе покажу!»

Видишь, до чего они дошли! В концерте артист должен прежде всего быть, а не болтун! А они обнаглели: уже концерт Брунова! Начали выдумывать, что к Брунову прибавить. Певицу такую-то, инструмент такой-то... Артиста к ведущему стали подбирать!

— В пьесе «Барыня» во время игры вы выкрикиваете: «Топор, рукавицы, жена мужа не боится, рукавицы и топор, жена мужа об забор!» Это всё подготовлено заранее, на репетициях?

— Да, конечно. Но когда я играю во время концерта, я вхожу в такой раж, что у меня и импровизационные моменты бывают. Почему эта «Барыня» родилась? Я вот в таком состоянии был, сделал эту «Барыню» и случайно это запомнил. Когда пришёл домой — вспомнил, зафиксировал как-то на бумаге и начал этот вариант использовать в концертах.

***Супруга и аккомпаниатор Михаила Федотовича,
искусствовед Н.И. Рожкова:***

Однажды мы выступали на юбилее завода художественной керамики «Гжель». Программа была у нас подготовлена. Стали репетировать перед концертом — и вдруг я не узнаю Михаила Федотовича. Нервный, злой! Кричит:

— Откройте дверь!.. Закройте дверь!

Я испугалась: уж не заболевает ли он?

Пока мы разыгрывались, он попробовал почти весь наш репертуар.

Выходим на сцену. Он начал пьесу, не закончил её — и вдруг что-то другое стал играть! Я чудом попала, перестроилась, — а он уже совсем другое играет! Вдруг стал играть польку Рахманинова, которую я до этого никогда не играла, — и мне пришлось подбирать аккомпанемент по слуху. У меня глаза на лоб!

После концерта Михаил Федотович такой довольный! Я его спрашиваю:

— Это что было?

— Ты видела зал? Конечно, его надо было расшевелить.

— А ты понимаешь, что я могла тебя подвести?

— Извини, в этот момент я о тебе не думал.

Оказывается, он перед выступлением мучился, потому что

увидел, что зал устал, — вот он и перетряс всю программу. В этот момент он не щадил ни себя, ни меня. Как бумажку, он пихает в огонь своего партнёра!

— Выкрикивание слов во время игры народной песни, литературные отступления с чтением стихов — всё это создаёт своеобразный синтез искусств и украшает ваши концерты. Расскажите об этом подробнее. Какие ещё вы играли пьесы со словами?

— А! (Играет «Под горою калина» — А.А.). Я прибавляю слово или даже вокал к звучанию инструмента — и оживляю пьесу таким образом! Каждый балалаечник должен творчески подходить к самому себе и думать: а я чем отличаюсь от других? В чём моё творческое лицо? На что я способен? Как я выгляжу на сцене? Эти мучительные вопросы я задавал себе всю жизнь. И потом я пришёл к выводу: «Миша! Ты же, в общем-то, симпатичный парень! Девки-то тебя всю жизнь любят за что? За то, что весёлый, озорной. Так и озорничай, веселись на сцене, пусть публика, зал с тобой вместе озорничает и веселится». Вот к чему я пришёл.

С тех пор я даю сольные концерты с разговорчиком, с юморком. То есть я всё время придумываю. Надо придумывать! Мы же, балалаечники, имеем право дурачиться с балалайкой как хотим. Если уж скрипачи начинают выделывать фокусы! И ничего, приняли уже это. Не возражают. А раньше: «Разве можно? Классический инструмент!»

Я говорю педагогам: «Педагоги! Научите студентов выйти, объявить свой собственный репертуар, кто ему аккомпанирует». Я говорю: «Объявите по-человечески!» Вот, Сашенька, чего я требовал, когда меня пригласили послушать экзамен в Гнесинском институте. Потому что сам много работал над дикцией, над голосом. Я проверял по записи, как я звучу. И теперь мне говорят: «Михаил Федотович, вы можете спокойно художественным словом заниматься. У вас прекрасный тембр голоса, и, когда вы рассказываете что-нибудь, мы слушаем, разинув рот».

В позапрошлом году мы выступали в Белоруссии и специально играли «Перепёлочку» — белорусскую народную песню, у которой в припеве такие слова: «Ты ж моя, ты ж моя перепёлочка». Надя на гитаре начинает играть мелодию, а я говорю: «Белоруссия! Родная! Через тебя прошли мои военные дороги... Ты ж моя, ты ж моя перепёлочка», — слеза... и мы услышали, как зал вздохнул. Потом я играю — мёртвая тишина. И когда сыграл, зал взорвался! Через месяц нас вызывают в Белоруссию снова, и три раза мы туда ездили. Директор Белконцерта сам поехал на вокзал нас провожать — и нам предоставили отдельное купе!

Я тебе почему, Сашенька, всё это говорю? Меня называют легендой русской балалайки. И я тебе рассказываю, в чём секрет этого. Секрет успеха — в разумном, точном использовании своего времени на сцене. Мы вот сейчас с На-

дюшей переделываем кое-что. У нас на концерте пьесы идут блоками, по две-три мелодии подряд. Стараемся, чтобы не было длиннот, ведь даже хорошая музыка сначала действует, а потом перестаёт действовать на слушателя.

Отношения с коллегами

— Вот ещё одна из ваших афиш. Лучшие артисты кино и театра, знаменитости — и рядом дуэт балалаечников.

«31 января 1950 г. Колонный зал Дома Союзов. Вечер юмора. В. Марецкая, И. Мордвинов, С. Образцов. Музыкальный дуэт Г. Быков и М. Рожков...»

Как вам было выступать рядом с такими корифеями, легендами театра? Выигрывает ли музыка от соседства с драматическим искусством?

— Меня очень обогатило участие в смешанных концертах. Я всегда перед своим выходом слушал, что происходит передо мной, наблюдал за работой артистов в других жанрах и искал секрет их успеха. Иногда потом ночами не спал, пока не понял, что главное качество хорошего артиста — это его взаимодействие со зрителями. Чувствует он, что утомлённая публика плохо его воспринимает, — нужно сразу дать шутку. И внимание завоёвано, тогда уже можно и лирическую пьесу сыграть. У хорошего артиста не совсем удачные выступления обычно связаны с тем, что он не угадал аудиторию. И опять полночи без сна: что делать, почему не получилось? Каждый концерт — это сражение. На моё счастье, я в основном побеждал.

— Как складывались ваши личные отношения со знаменитостями? У великих людей, как правило, бывает непростой характер. С ними трудно было общаться?

— Все мои современники были так влюблены в меня! Они всё время слушали за кулисами, как гитара с балалайкой потрясающе звучат. А потом кто-то мне посоветовал завести альбом и собирать автографы и отзывы о своей игре. Вот этот альбом, много лет я не смотрел его.

... Сергей Мартинсон: «Большому художнику — мои восторги и восхищение. Очарован Вашим искусством! 25 января 1963 года».

... «Измумительный музыкант, прекрасный товарищ, — и я его люблю! Мечтаю что-нибудь записать совместно. Марк Бернес, город Ташкент, 25 октября 1963 года».

... А это кто? Гелена Великанова: «С величайшим наслаждением слушаю Вас...»

... Павел Рудаков, ленинградский артист. Помнишь, был такой дуэт: гитара и гармошка-концертино? «А мы с Павлом вдвоём вам частушки пропоём». Рудаков играл на концертино. «Миша, — это пишет Павел Рудаков. — Мы с Клавдией Вас любим как замечательного товарища и прекрасного музыканта».

В Сочи никак не получить номера. Я звоню в Ленинград Клаве, и через 15 минут в зал объявляют по радио: «Рожков, подойдите к администратору». Я подхожу. «Пожалуйста, вам номер». Вот такое было отношение.

Незадолго до этого я закончил гастроль с другим дуэтом, с Тарапунькой и Штепселем (Тимошенко и Березин), и мы опять встречаемся в Сочи. Они приехали тоже отдохнуть, но перед этим им надо дать 20 концертов. Узнали, что я здесь, и попросили принять участие в их выступлениях. Санаториев там сотни, мы давали по два концерта в день. С точки зрения материальной это было очень хорошо. Пара тысяч рублей — это тогда были приличные деньги. Номер в гостинице стоил 3 рубля в день. Поэтому я звоню жене: «Надюша, приезжай сюда, есть возможность и тебе отдохнуть». И она приехала ко мне.

... А вот Максим Шостакович, дирижёр, сын композитора Дмитрия Шостаковича. Это в Одессе было. «Дорогому Михаилу Федотовичу — замечательному музыканту — на добрую память».

... Евгений Светланов: «На добрую память о совместной учёбе в стенах у Гнесиных». Мы вместе учились с ним, и он у меня всё время на концертах бывал. Я даю концерт в Малом зале Гнесинки — он сидит у стеночки. Он всегда очень хорошо ко мне относился и через много лет сказал в одном интервью: «Если бы играл Рожков — я бы дирижировал концертом».¹⁷

— 1967 год: «Вовке-двоечнику, лишённому слуха, от дяди Серёжи. Филиппов». Это написано для вашего сына?

— А! Это мы с ними ездили в Киев. Папанов, Филиппов, ещё, по-моему, кто-то. Я им пожаловался, говорю, сын двойки получает, мне некогда с ним возиться-то. Я всё время на колёсах. Они: «Давай мы ему напишем сейчас. Эй, Вовка...»

— «Дорогой Вова! Мне очень хочется, чтобы ты хорошо учился. Папанов». Вы с ними вместе выступали?

— Да мы с ними везде встречались!

... Эсамбаев? «Дорогому другу, чьё искусство понятно во всех странах мира и всем людям, имеющим доброе сердце — от его друга Махмуда Эсамбаева». И рядом приписал на своей фотографии: «Рожков — гений!» Число не написано.

... А это кто? Яншин? «В память вечера Марселя Марсо в ВТО. Наслаждаюсь искусством Михаила Федотовича. Восторженный и благодарный Яншин».

¹⁷ Композитор Н.А. Розанова рассказывает А.А. Горбачёву: «Михаил Рожков — человек старой закалки. По-моему, он современную музыку не очень воспринимает. Ему ближе фольклор, астрадная песня, что он и делает с блеском. Кстати, Светланов говорит, что может взяться за исполнение нового концерта для балалайки с оркестром, но только если будет играть Михаил Рожков». (Н. Розанова. «Я уверена, что у балалайки намного больше возможностей, чем у виолончели» // Журнал «Народник», 2003, №4).

... Иван Переверзев, знаменитый киноартист. Красавец был! «Моё главное пожелание Вам — здоровья на многие годы. Но мне кажется, благодаря Вашему изумительному мастерству на русской балалайке Вы будете жить вечно!» Как он хорошо написал!

... Мурад Кажлаев, композитор: «Многоуважаемый Михаил Федотович! Сегодня был счастлив близко познакомиться с Вами, хотя Ваше замечательное искусство знаю уже давно. Рад буду сотрудничать с Вами. 9 октября 1976 года».

Заслуженный артист РФ, заслуженный деятель искусств РФ, профессор В.Б. Болдырев.¹⁸

В 1966 году я приехал в Москву, поступил в Институт имени Гнесиных — и впервые увидел Михаила Федотовича Рожкова. Он играл практически ежедневно на сборных концертах Москонцерта, которые проходили в летнее время в Сокольниках и в Парке культуры и отдыха. В этих концертах выступали такие известные артисты, как конференсье Брунов, певец Юрий Гуляев, Мария Миронова и Александр Менакер. Рожков выступал в сопровождении Георгия Миняева. Это был, конечно, уникальный, блистательный дуэт! Темперамент Михаила Федотовича — и, как контраст, напускная невозмутимость Миняева! Таких ансамблей больше я не слышал.

А первое знакомство у меня произошло по такому случаю. Это было примерно в 1967 году. Заведующий Кафедрой народных инструментов Александр Сергеевич Илюхин собирал для кафедры всякие материалы и попросил меня принести ему фотографию Рожкова. Я позвонил Михаилу Федотовичу, и он назначил мне день. В восемь утра! Жил он тогда в Лялином переулке.

Прихожу я в восемь утра. Михаил Федотович такой бодрый, в спортивном костюме, уже зарядку сделал или пробежку, сидит за столом и собирается завтракать. Я говорю:

— Я за Вашей фотографией...

— Нет-нет-нет. Студент, по определению, должен быть голодный. Ты, наверное, ещё не завтракал?

Он усадил меня за стол, и мы с ним позавтракали. Как сейчас помню: пили чай, и рыба под маринадом была. Жена его сделала.

¹⁸ Беседа автора книги с В.Б. Болдыревым состоялась 17 ноября 2006 года.

А потом мы как-то даже и подружались. Нельзя сказать, что мы постоянно друг к другу в гости ходили, нет, встречи были редкие, но они были. Михаил Федотович — очень добрый и открытый человек. Видимо, жизнь наложила отпечаток, ведь он в детском доме вырос. Очень хлебосольный, очень гостеприимный, очень любит гостей встречать. Когда говоришь с ним — нет никакой натянутости, никакого взгляда свысока. И эти качества он сохранил на всю жизнь.

Однажды мы с ним ехали в поезде в Минск. Поезд тронулся в девять — начале десятого, он надел свой спортивный костюм, достал балалайку, стал играть, вышел в коридор: «Кто слышал фамилию Рожкова? Идите, на живого посмотрите, послушайте!» Сбежались со всего состава. Он играл, как сейчас помню, Седьмой вальс Шопена с Юрием Валериановичем Черновым.

Один раз я был у него вечером. Он меня встретил у метро, дома мы поужинали, что-то обсудили, и он пошёл меня провожать (а там всё-таки остановки две с лишним идти). Он зашёл со мной в метро (у него проход бесплатный), двери вагона открылись, и он заглянул в вагон: «Молодёжь, уступите место инвалиду!» Половина вагона встала! Я сел, а он рукой мне помахал. Всё-таки лет ему уже за девяносто, а ведёт он себя как молодой человек, это очень важное качество. Ему лет много, а душой — молодой.

— А это что за афиша? Не указаны ни дата, ни место концерта.

«Московская государственная эстрада.

МИХАИЛ РОЖКОВ

(балалайка).

Начало в ___ часов. Билеты продаются _____.»

— Это «лента» называется. Приехали в город какой-то, и на заборах расклеивается.

Л. Зыкина

— Насколько я знаю, вы много выступали вместе с Людмилой Зыкиной. Как началось ваше сотрудничество?

— Весной, в мае всегда открывалась концертная площадка в саду «Эрмитаж» в Москве. И открывалась она правительственной программой. Там или

Шуров — Рыкунин, или Тимошенко — Березин ведут программу. Режиссёр концерта, директор Театра эстрады, говорит: «Миша, ну поучи с Зыкиной ту мелодию, которую ты играешь в кинокартине «Течёт Волга!»» И за несколько дней до концерта мы начали репетировать. Она боялась эту песню петь, ещё совсем молодая была:

— Да что ты, там такое в начале... — говорила она.

— Людмила, тебе голос дал Господь на троих, такой мощный, сильный голос, а ты ещё трусишь. Ну-ка, давай начнём. Из-да-ле... — и мы прямо в Театре эстрады начали у рояля. И пошло-пошло... потом выучила, баянисты подхватили, Шалаев и Крылов. Режиссёр придумал так: «Миша, ты играешь эту пьесу, а потом она сразу выходит и запекает эту мелодию. И баянисты с ней». Получилось, что в этой программе мы с ней спелись. Зыкиной очень понравилось под наш аккомпанемент петь.

Впервые вместе с Людмилой Зыкиной мы поехали в Волгоград на открытие «Волжского сезона» по приглашению композитора Григория Пономаренко. Зыкина пела его песни: «Оренбургский платок», «Ивушку». Когда Пономаренко получил звание народного артиста и квартиру в Краснодаре, он пригласил Кобзона, Рожкова и Зыкину на новоселье. Мы были у него, и там была серия концертов, в которых я участвовал. В этих концертах мы славили Гришу Пономаренко и исполняли его песни.

Благодаря Зыкиной меня выпустили в капиталистические страны. А случилось это так. Едет Зыкина за границу со своим концертом. Ей дают вроде балалайку, а балалаечник выходит и начинает играть... сонату. Зыкина стоит за сценой, слушает: соната, музыка чужая какая-то, непонятная. Тем более иностранцам. Она нажаловалась своей подруге, министру культуры Екатерине Фурцевой.

А потом Фурцева её посылает в Японию, первую артистку русскую. Импрессарио из Японии приехал: «Дайте нам исполнительницу русских песен». Зыкина говорит Фурцевой:

— Нет, не надо мне классиков. Дай мне Рожкова.

— Рожкова нельзя, у него четыре брата в концлагерях. Рожков сам убежит, — говорит Фурцева. И действительно, так часто бывало. Потом во время этих гастролей удрали двое: политического убежища попросили. И что ты думаешь? Она Зыкину вызывает снова, а та говорит:

— Я поеду только с Рожковым.

— Ну смотри, Людмила, вот, читай письмо, что пишут два известных балалаечника про твоего Рожкова, — и читает письмо она, что Рожков — халтурщик, эстрадник, дешёвый музыкант, что он удерёт, что он хулиган, бабник, матерщинник, алкоголик и так далее. Вот такая характеристика. Вот они, друзья мои, коллеги мои... А я к ним всем сердцем, любил, ценил!.. Вдруг Зыкина так стукнула кулаком, что чернильница взлетела и разлилась, всё залила:

— С Рожковым поеду, или я не еду! — И Фурцева поняла, что надо Зыкину посылать с Рожковым. Поехали в Японию, затем в Швецию — и началась гастрольная жизнь за границей. Я был почти во всех странах Европы, в Африке, дважды в Японии, в Америке.

Япония (1967)

— Понравилось ли вам в Японии?

— Первые 15 дней я в Японии смотрел, рот разинув: больше всего меня поразили дороги, которые расположены в несколько ярусов одна над другой. А потом я стал считать дни до нашего возвращения домой. Мне предлагали и в Германии, и в других странах остаться и работать там. Какие золотые горы, миллионы предлагали! Обещали мне организовать гастроль по всему миру с рекламой. Но нет: какая бы ни была Россия, как бы ни было тут трудно порой, какое бы ни было у меня здесь голодное детство — я за границей не остался. И думаю, что русский человек не может без Родины прожить: трудно очень...

— Во время этих гастролей ваш дуэт с Миняевым только аккомпанировал Зыкиной, или у вас были и самостоятельные номера?

— Естественно, мы много играли дуэтом и имели очень большой успех. Потом выходила Зыкина и пела одну песню под гитару Миняева, затем мы опять выходили дуэтом, и она пела с нами.

— Вы, наверное, много выступали и с другими певцами?

— Была певица Майя Кристалинская, которая умерла рано. Мы вместе давали концерт в Кремле, она пела песню «Текстильный городок».¹⁹ Майя распевалась за кулисами, а мы вдруг как подыграли! Она обалдела! И тут же пристала: «Ой, саккомпанируйте, пожалуйста!» Я говорю: «Жора, давай сыграем». И мы сыграли ей в Кремле эту песенку. Потом мы выступали вместе в киноконцертном зале «Октябрь» на Новом Арбате — и тоже ей саккомпанировали. На этом концерте присутствовали Пахмутова с Добронравовым, и они ей сказали: твой голос гениально сочетается с балалайкой Рожкова. И она опять подходит ко мне: «Я еду на сольный концерт в Киев. Поехали! Я вам буду три ставки сольные платить, только поехали!» Я говорю: «Вы — заслуженная артистка, я — заслуженный артист. Я даю сольные концерты свои, а вы меня уговариваете быть у вас в антураже, — понимаете, что вы делаете? Я поеду в качестве номера в вашей программе?!»

¹⁹ Стихи М. Танича, музыка Я. Френкеля.

— Поговорим о ваших встречах со знаменитыми иностранными артистами, которые проходили в Доме Дружбы с народами зарубежных стран на Калининском проспекте.²⁰ Удивительно: вас ещё не выпускали в Западную Европу на гастроли — и, тем не менее, вы сумели здесь произвести на ведущих представителей европейского искусства сильное впечатление, смогли заинтересовать их балалайкой.

— Да, знаменитый американский пианист Ван Клиберн пришёл после концерта выразить свой восторг, посадил меня рядышком, вручил мне свою книгу с надписью: «Господин Михаил Рожков! Нет слов, чтобы выразить, насколько понравилась мне Ваша игра. Я очень тронут, услышав балалайку, которую я так люблю! Спасибо вам большое! Искренне ваш Ван Клиберн». Это произошло 21 июля 1960 года.

— Когда он приехал в 1958 году в Москву и победил на Первом международном конкурсе имени П.И. Чайковского, он покорила слушателей искренностью и романтической виртуозностью своей игры, а также человеческим обаянием. Через два года после конкурса, в мае 1960 года, он привёз в Москву новую концертную программу. Наверное, в это время и произошла ваша встреча.

— Он очень заинтересовался балалайкой, взял её в руки и стал спрашивать, как извлекать из неё звуки. Я стал его «учить», а все окружающие стояли и смотрели на эту трогательную сцену.

— В 1962 году состоялись ваши встречи со скрипачом Иегуди Менухиным и дирижёром Гербертом фон Караяном. Великий скрипач и великий дирижёр оставили восторженные отзывы о вашей игре. Расскажите об этом.

— Когда готовилась встреча с Иегуди Менухиным в Золотом зале Дома Дружбы на Калининском проспекте, встал вопрос, чем его удивить. И Михаил Иванович Чулаки, бывший в то время директором Большого театра, предложил: «Давайте покажем Менухину этого бандита с балалайкой».

В тот вечер у меня уже был один концерт, после него прихожу в Дом Дружбы разыгранный, горячий. Всё уже готово к выступлению. Сидят за столом Менухин и все наши известнейшие скрипачи. Объявляют меня с Миняевым. А для меня Менухин — Господь Бог в скрипке. Я его записи на слух определял и отличал от других скрипачей. Начали играть, и во мне такая нервная сила клокочет, что, кажется, с ней справиться невозможно. Но меня спасло то, что я был прекрасно разыгран, в пальцах — дьявольская беглость, аппарат полностью подчиняется. И я на таком нерве сыграл «Старинный романс», с такой слезой, что после окончания Иегуди Менухин подошёл ко мне и расцеловал.

И тогда я буквально «врезал» «Коробейники» — трррр... Скорость сумас-

²⁰ Теперь это улица Воздвиженка.

шедшая — зверь на балалайке! А потом «Испанское болеро», «Чардаш» Монти, «Танец с саблями» Хачатуряна. С такой напряжённостью, с таким нервом сыграл, что Менухин вновь встал и подошёл ко мне.

А после концерта он попросил поехать с ним вместе в гостиницу «Будапешт». За нами, конечно, был «хвост», потому что общение с иностранцами в те времена вызывало подозрение. Но препятствовать не стали, поскольку я всё время выступал в Доме Дружбы и считался благонадёжным.

Войдя в апартаменты, Менухин достал чемодан и со дна его извлёк свой портрет со словами: «Вот моя любимая фотография, я хочу подарить её вам». На ней он написал: «Музыканту, воплощающему в себе русскую душу, Михаилу Рожкову, благодаря которому я пережил самое волнующее событие в моей жизни!» На этой фотографии он снят в момент работы, в момент, когда высекается искра вдохновения.

— Прославленный австрийский дирижёр Герберт фон Караян, по воспоминаниям его современников, был последним из «деспотических маэстро», которые управляли оркестром «железным кулаком». Однако благодаря своему таланту он был высоко уважаем и даже любим почти всеми, кто работал с ним. Он умел добиваться у всего оркестра однородного, гладкого звука, по которому его всегда узнавали. Чем вы удивили такого требовательного музыканта?

— Он был поражён тем, что я аранжировал для балалайки с гитарой Вторую рапсодию Листа, сложнейшее классическое произведение. А после концерта он пришёл ко мне за кулисы и, воздев руки, громко воскликнул: «Паганини! Паганини!» Взял инструмент и стал рассматривать его. И затем попросил переводчицу передать мне, что хочет получить запись всех исполненных мною вещей. И я до глубокой ночи переписывал для него все свои вещи на магнитофон.²¹

На фотографии он написал: «Господину Рожкову — великому мастеру и Паганини балалайки с восхищением».

— Помимо музыкантов вы встречались с известными зарубежными артистами.

— Да, например, с французским актёром Жаном Маре, который, покидая Москву, написал, что самое сильное впечатление у него осталось от театра кукол Образцова и концерта Рожкова. А у меня сохранилась фотография с его автографом: «Благодаря Вам у меня останутся чудесные воспоминания. Ваш друг Жан Маре».

Интересно, какие бывают совпадения. Все эти фотографии сделаны в разное время и разными фотографами, но очень похожи: и Ван Клиберн, и Жан Маре, и Герберт фон Караян стоят в одной позе — держат в руках мою балалайку и разглядывают её.

²¹ И. Бельдинский. «У меня есть балалайка и любовь» // Газета «Достоинство» №51–52, 21 декабря 1998.

I Всероссийский конкурс артистов эстрады (1960)

— В 1960 году вы стали лауреатом Первого Всероссийского конкурса артистов эстрады, вместе с Л. Зыкиной и М. Эсамбаевым. Вы там играли с Мияевым?

— Да, мы играли дуэтом. Но фактически на этом конкурсе только я мог участвовать, потому что Георгий был старше меня на 6 лет.

— Кто был в комиссии?

— Смирнов-Сокольский (председатель комиссии), Утёсов, Шульженко, Юрьева...

— То есть в основном певцы. А были ли в комиссии и среди участников конкурса ещё исполнители на народных инструментах?

— В комиссии был Павел Нечепоренко. В это время он уже приехал в Москву, и его взяли вместо меня преподавать в Гнесинском институте. А среди конкурсантов были только баянисты.

— Что вы играли?

— Свою обычную программу. Помню только, что Изабелла Юрьева плакала, когда я играл романс «Я встретил Вас».

Заслуженный артист Якутской АССР (1964) и РСФСР (1968)

— Как вы стали заслуженным артистом Якутии?

— Однажды, в 1964 году, наш дуэт выступил перед Фиделем Кастро и Хрущёвым. Это было в Доме культуры завода имени Лихачёва. Играли «Уральскую плясовую» и «Болеро». Гитарист изображал кастаньеты, ударяя пуговицей о струны. Кастро сидел, закинув ногу на ногу. Меня поразил его огромных размеров ботинок, который располагался где-то на уровне головы Хрущёва.

После этого выступления была дана команда представить нас к званию заслуженных артистов России. Но получили его почему-то другие. Нас же (в виде утешения?) произвели в заслуженные артисты Якутии, после того как мы с Зыкиной облетели всю эту республику.

Вскоре после этого произошла любопытная история. Министр культуры СССР Е. Фурцева заставила нас приехать на Декаду русского искусства в Армении. В делегации — Шостакович, Ростропович, Вишневецкая, Райкин. В опере был правительственный концерт. И вот на сцене — дуэт заслуженных артистов Якутской АССР. В ложе — католикос всея армян Вазген Второй. С ним министр культуры СССР Екатерина Фурцева. Я говорю: «Жора, здесь же Армения. Давай врежем «Танец с саблями» Хачатуряна!»

Откровенно скажу, мы здорово сыграли. Я всё выложил, сердце так стучало, что думал, как бы не разорвалось. Решил: «Я вам покажу сейчас, что такое

сабля!» Хачатуряну вообще нравилось наше исполнение, он говорил: «Я написал это для симфонического оркестра в 92 человека. Как играют два человека — не пойму!» В общем, зал взревел, все повставали с мест: армяне же большие патриоты.

Мне билетёрша, которая на всякий случай дежурила около правительственной ложи, рассказала, что католикос сказал Екатерине Алексеевне Фурцевой: «Какие великолепные якуты к нам приехали! Пожалуй, надо им дать звание заслуженных артистов Армянской республики. Пускай теперь несут высоко Армению». Фурцева схватила за голову: «Это не якуты, это русские ребята...» После этого нам дали звание заслуженных артистов РСФСР. Оно догнало нас в 1968 году, когда мы уже были в Париже.²²

Народный артист РФ (1996)

— Звание народного артиста России вам присвоили достаточно поздно — в 1996 году. Расскажите, как это произошло.

— Меня награждал Президент России Б.Н. Ельцин. Во время церемонии он вдруг спрашивает у меня:

— Что, генералом стал, зазнаваться будешь?

— Мне некогда, Борис Николаевич, зазнаваться, — отвечаю я, — заниматься надо. А я уже в генералах лет 15 хожу, это вы долго думали.

Почётное звание не даёт много привилегий, даже права бесплатного проезда в трамвае. Но оно вдохновляет артиста, заставляет его с новой силой как бы воспрянуть в своём творчестве и в то же время налагает на мастера высокую ответственность.²³

«Простая история» (1960)

— Ваша балалайка звучит более чем в 50 фильмах, в том числе таких известных, как «А зори здесь тихие...», «Война и мир», «Простая история», «Течёт Волга», «Герой нашего времени»...

— Я даже в Средней Азии видел картину, где за кадром звучит моя балалайка. Они, видимо, взяли мою фондовую запись.

Я не помню первого фильма. Но один из первых — серьёзная заявка и

²² М. Марутян. «Им восторгаются даже коллеги» // Газета «Труд-7», 9 июля 1999.

²³ И. Бельдинский. «У меня есть балалайка и любовь».

который прошёл «на ура» — это «Простая история». Мы давали концерт в Ялте в музыкальном училище. Была афишка маленькая: «В музыкальном училище Михаил Рожков и Георгий Миняев». Вдруг на этот концерт заглядывает композитор М. Фрадкин. Он послушал наше выступление и сказал: «Вот это да! Ребята, поехали в Москву. Я сейчас работаю над кинофильмом «Простая история», сейчас я начну озвучивать картину». Мы сразу приняли предложение: прекратили отдых и поехали. Но, чтобы уехать в Москву, надо было приехать на вертолётную станцию, долететь до Симферополя, — и там аэродром. И вот, пришли на вертолётный аэродром, там нам сказали: «Вас трое, а у нас только два места». Мы берём балалайку:

— Через сколько времени вылет?

— Через 40 минут.

Мы садимся и начинаем играть свою программу.

— Где? Прямо в зале ожидания?

— Да, а нам наплевать! Главное, мы знаем, что нас слушают с удовольствием. Играем, нам надо набивать пальцы. И вся вертолётная публика, приготовившаяся лететь, рот разинула и слушает. Фрадкин не нарадуется: какая прелесть, звучит хорошо! А эти: «Ребята, играйте еще! Мы вам найдём место! Мы пьяного сейчас высадим — и будет третье место». А там был как раз пьяный. Позвонили: готовыте его к высадке. Он задержится на полтора часа и полетит, протрезвеет когда... Мы садимся втроём и летим в Москву. Прилетаем, и утром началась работа над кинофильмом «Простая история».

— Как работал Фрадкин? Он же до этого для балалайки ничего, наверное, не писал? Всё решалось в ходе репетиций?

— Я ему только сказал: у балалайки две струны «ми», одна «ля». А он дал тему, сыграй! Я беру тему, играю, сам её перекладываю. А потом эта мелодия завоевала сердца миллионов.

— «Простая история» — это фильм о любви. Нонна Мордюкова играет в этой картине русскую деревенскую женщину, и эта мелодия выражает её чувства. Очень естественно, что композитор Фрадкин решил использовать тембр балалайки в интимных, лирических эпизодах и оркестр русских народных инструментов в кульминационных моментах.

— Да, в этом фильме много интересных, запоминающихся моментов, где балалайка за кадром принимает непосредственное участие в действии. Например, комедийный эпизод, где лодырь-рыбак прячется за забором от председателя колхоза. Или когда Мордюкова ждёт в приёмной начальника, и с её валенок капает вода — всё это отражается в музыке. Или танец Наташи Ростовской в кинофильме «Война и мир»: гитарист играет песню «По улице мостовой», и Наташа горделиво выступает. А потом появляется балалайка — и Наташа уже начинает выступать каблучками.

«А зори здесь тихие...» (1972)

— Мне кажется, что голос балалайки за кадром затрагивает особо чувствительные струны в душе человека, усиливает эмоциональное воздействие картины. Когда режиссёр Станислав Ростоцкий делал картину «А зори здесь тихие...» и дошёл до эпизода смерти Лизы Бричкиной, которая тонет в болоте, он сказал: «А вот здесь мне нужна балалайка Рожкова». Он уже знал меня, потому что я озвучивал его предыдущую картину «Герой нашего времени».

— Фильм о Великой Отечественной войне «А зори здесь тихие...» полон драматических, тяжёлых сцен. Девушки жертвуют собой, защищая свою Родину. Балалайка здесь, по-моему, подчёркивает их русское начало.

— Музыка этого фильма рвёт душу. Композитор Кирилл Молчанов привёз к себе домой нас. Тему нам наиграл, я её тут же освоил. А потом мы уже перекладывали, выбирали, что на тремоло, что на вибрато, что на пиццикато. Делали соло гитары, соло балалайки — то есть сами делали из этого пьесу.

— Многие из пьес, сделанных для кино, надолго остались в вашем репертуаре. Почему?

— Эти пьесы всегда имеют колоссальный успех, потому что по своей популярности песни из советских кинофильмов приближаются к народным песням. Их любят и в России, и за рубежом. Когда мы с Л. Зыкиной были на гастролях в Японии, зрители спросили, кто играет в одной из сцен фильма «Война и мир» на русском народном инструменте. Меня представили, и зал устроил нам овацию.

В другой раз мы приехали в Воронеж и давали концерт с программой, посвящённой Сергею Есенину. Когда мы сыграли, нас не отпустили со сцены, заставили второй раз играть. Мы второй раз сыграли. Не выпускают: «Сыграйте третий!» Мы говорим: «На поезд опаздываем, не задерживайте!» Что творилось!

А был успех — следовательно, стали брать наши концерты. Филармония предлагает других балалаечников, а они: «Не надо! Давайте нам Рожкова ещё!»

«Русское трио» (1971)

— Помимо дуэта с гитарой вы ещё играли в «Русском трио». По чьей инициативе оно возникло?

— «Русское трио» было создано по приказу начальника радио и телевидения для поездки в Южную Америку в 1971 году. В него вошёл баянист Галкин, в которого был влюблён этот чиновник, Рожков, к которому он тоже хорошо относился, и гуслир Тихов из Ленинграда. Мы здорово играли, репетировали. Все работы были хорошие.

Но чиновник не понял одной вещи: мы все играем в среднем регистре, у нас нет баса. Баян не имеет острого баса, у него воздух распределяется на всю клавиатуру: и на правую, и на левую. Мы куда ему только микрофон ни всовывали, чтобы как-нибудь сделать бас! Проблема баяна — это проблема баса, которую до сих пор ещё не решили. У Анатолия Беляева есть электронный баян, который даёт такие мягкие электронные басы, но это всё не пунктирный бас.

Мы поехали в таком виде — и настрадались! Солировал певец, народный артист Украины, солист Ялтинской филармонии, баритонально-басовый такой голосочек. Он требует, чтобы у нас бас был — а его нет! Я выходил в Америке на сцену и прямо переживал за это.

— Вы играли только аккомпанементы певцу?

— Нет, мы сделали пьесы: «На горе-то калина»... Но в основном аккомпанировали. Я уже не помню, давно это было.

— Кто был лидером ансамбля? Кто придумывал, как сделать, например, «На горе-то калина»?

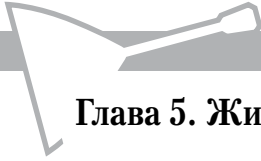
— Да там все лидеры собрались. В основном баянист, конечно. Вариации от меня исходили, от гуслей. Гуслияр выдавал свои возможности, я — свои, балалаечные... Когда я вступал один — сразу вырывался вперёд. Потом все соединились — и вдруг как рванули вместе!

Во Франции с нами выступал уже Баглаенко, полуцыганский певец. Мы были в культурной программе кинофестиваля в Каннах. Хорошо играли всё, но, в общем-то, получили ноль внимания. Купались тоже хорошо, но, к сожалению, прокатились туда незамеченными.²⁴

— И потом трио распалось?

— Да, оно не развивалось дальше, потому что это был искусственный гибрид. Не было настоящего соединения. Вот балалайка с гитарой — это естественное, правильное сочетание, потому что гитара даёт бас и аккомпанемент, а балалайка — поёт...

²⁴ Однако сохранилась рецензия об этой поездке: «На юге Франции, в городе Канне состоялся пятый по счёту Международный фестиваль грамзаписей и музыкальных изданий — МИДЕМ-71. Вместе с советской делегацией в Канн отправились солист Ленинградского мюзик-холла В. Баглаенко и «Русское трио» в составе В. Галкина (баян), М. Рожкова (балалайка) и В. Тихова (гусли). Их программа была выдержана в национальном стиле. В. Галкин, М. Рожков и В. Тихов виртуозно исполнили «Волжскую кадрили» и «На горе-то калина». В. Баглаенко с большим мастерством спел в сопровождении Трио и местного оркестра. Слушатели не скупились на аплодисменты и долго не отпускали артистов с эстрады, требуя повторения. Однако бисировать не разрешилось. Пресса высоко оценила выступление советских исполнителей. Рецензент газеты «Эко» писал, что «русские покорили восторженных зрителей, которым надоела поп-музыка. Все были рады перенестись в страну, где любят такие исконно народные инструменты, как балалайка и баян...» В заключение отметим, что французская фирма «Шан дю Мوند» выпустила грампластинки с записями В. Баглаенко и «Русского трио». С предложением записать советских артистов обратились к фирме «Мелодия» несколько радио- и телевизионных компаний». («Музыкальная жизнь» №9 (323), май 1971).

Глава 5. Жизнь прекрасна

Прошло уже более двух лет, как я познакомился с Рожковым. Наши встречи и беседы продолжаются до сих пор.

Заканчивая работу над книгой, я стал уточнять некоторые моменты биографии Михаила Федотовича по телефону. Он очень увлекающийся человек, и иногда наш разговор продолжался полтора-два часа. Конечно, производить на людей впечатление — это одна из сторон профессии артиста. Но меня по-прежнему удивляет необыкновенный артистизм Михаила Рожкова, который проявляется не только на сцене, но и в жизни.

Как мне хочется что-то перенять из его творческого облика! Хоть немного позаимствовать его звук, технику, артистизм... Конечно, талант повторить невозможно, в этом нас убеждает вся история искусства. Но вслед за талантом идут рядовые музыканты, которые могут воспользоваться достигнутым, пока кто-то вновь не поднимет искусство на новую ступень.

Своими воспоминаниями о М.Ф. Рожкове со мной поделились очень интересные и незаурядные люди, которые в разные годы работали и общались с ним. Я очень благодарен за помощь и моральную поддержку Н.И. Рожковой, В.Б. Болдыреву, Н.Л. Фарехетдинову, В.В. Орехову, В.С. Красноярцеву. Все они отмечают необыкновенный масштаб личности Михаила Федотовича, его лидерские качества и большое влияние на современников, начиная ещё с конца 1940-х годов. Таким же энергичным, волевым человеком остаётся он и сегодня, продолжая вести активную, насыщенную жизнь и стремясь всегда быть в центре событий.

В последние годы стало привычным видеть высокую фигуру Михаила Рожкова в первом ряду зрительного зала на многих балалаечных концертах (после одного из них мы с ним и познакомимся). У «легенды русской балалайки» теперь появилось время, чтобы послушать молодое поколение исполнителей.

Михаил Федотович ежедневно ходил, например, на концерты фестиваля «Созвездие мастеров» и после этого с жаром делился своими впечатлениями об услышанном. Его интересует, как играет молодёжь, он радуется её успехам. Не стесняясь в выражениях, он критикует любое проявление непрофессионализма у балалаечников. Особенно его огорчает отсутствие звука при игре на балалайке. Как он сказал мне, «некоторые только шелестят, изображая рiано». С болью он говорил о каждом, по его мнению, неудачном выступлении балалаечника. Конечно, он чувствует свою ответственность за уровень современного искусства игры на балалайке, волнуется за дальнейшую судьбу этого инструмента, которому он посвятил всю свою жизнь.

— В 1972 году скончался ваш аккомпаниатор Георгий Миняев. После него вы играли со многими гитаристами: с В. Дубовицким, С. Петушковым, Ю. Черновым, В. Широковым, А. Шумидубом. В настоящее время вам аккомпанирует ваша супруга Н. Рожкова. Кого из этих гитаристов вы считаете лучшим? Наверное, Ю. Чернова, с которым, как и с Миняевым, проработали вместе 15 лет?

— Нет, лучшим был Виктор Дубовицкий. Когда умер Миняев, я выбирал себе нового гитариста. Приходили разные, и среди них был Дубовицкий. Мне очень понравился его звук, такого звука ни у кого больше не было. Он лауреат Всероссийского конкурса. Стали мы с ним репетировать, выступать. Играли и его сочинения. Но он настоящий поляк! Гордость, спесь! Я говорю: «Пусть объявят: «Михаил Рожков и Виктор Дубовицкий»». Он: «Нет, Михаил Рожков и композитор Виктор Дубовицкий». Мне, конечно, не жалко, но зачем одеяло тянуть на себя? Зачем подчеркивать, кто какую пьесу сделал? В конце концов поругались мы с ним, и он не явился вечером на концерт. Я прихожу, а его нет! Был, конечно, в Москонцерте скандал, и мне посоветовали искать другого гитариста, более надёжного.

Не самым лучшим образом закончилась и моя работа с пианисткой Светланой Сорокиной. Шесть лет мы гастролировали с ней, выступали везде: от Колонного зала Дома Союзов в Москве — до детской школы где-то в тайге. И всё время на банкетах: «Да здравствует Рожков...» А я говорю: «Товарищи, давайте скажем доброе слово о пианистах, которые помогают Рожкову и всем балалаечникам. Они имеют прекрасную школу, чем мы не можем похвастаться». И даю слово Сорокиной. Она встала спокойненько и говорит: «Да ну, я не считаю балалайку музыкальным инструментом, народные инструменты — это не музыка, в общем-то, это эрзац-музыка...» Вот после такого выступления я не предоставлял больше слово Сорокиной.

Я всей своей жизнью, красотой своего исполнения на балалайке доказываю, что балалайка — прекрасный инструмент русского народа. Только надо владеть в совершенстве инструментом, как скрипачи владеют. Она же у меня поёт, послушайте «Овод» Шостаковича или «Грустную песню» Калинникова! Освойте с любовью эти приёмы: тремоло, пиццикато, вибрато, дробь... Тогда балалайка становится красивым музыкальным инструментом. А если на скрипке плохо владеть смычком — это ужасный инструмент. Такой лязг! Как Крылов рассказывает в басне: «Ударили в смычки, дерут, а толку нет!» Так что драть можно на любом инструменте.

— Я видел запись вашего выступления со Светланой Сорокиной. Она очень артистично, темпераментно аккомпанирует. Что-то не верится, что она действительно могла так думать о балалайке. Наверное, просто устала от гастролей в тайге.

— Да, мы много пережили вместе, и она всегда была верным спутником. Хороший, профессиональный концертмейстер. Но вот не сложилось...

Дуэт с Ю. Черновым (1979)

— Как сложился ваш дуэт с Ю.В. Черновым?²⁵

— Юрий Чернов окончил музыкальное училище имени Октябрьской революции по классу семиструнной гитары. Очень долго он работал в оркестре имени Осипова, где играл на балалайке альт. Юрий Чернов безумно любил оркестровки делать, очень много на это ночей потратил. И умер немножко раньше времени. Когда его жена и ребёнок спали, он сидел и писал партитуры. Восемьдесят процентов оркестровок для оркестра имени Осипова сделал он.

И вдруг его выкинули из оркестра! По приказу правительства оркестр сократили, из 150 человек сделали 80. Чернова вместе с женой, которая на альтовой домре играла, уволили. Ну, жена сразу переквалифицировалась и начала платочки красить. А Чернов вспомнил гитару.

Соло он, конечно, не мог играть, потому что любил посторонние дела делать. Помимо оркестровки, он администрировать любил. Он в каком-то камерном театре был заведующим музыкальной частью. Когда я был студентом училища, этот театр приехал в Ленинград, надо было оркестр собрать, вот Чернов этим и занимался. Помню, и меня он приглашал. Там в спектакле офицер играл на балалаечке, а я за кулисами играл за него. Там мы и познакомились с Черновым.

— После увольнения из оркестра он продолжал инструментовать?

— Да, ему приносили заказы, и он их выполнял. Потому что он мастерски

²⁵ В книге «Оркестр имени Осипова. Страницы истории» (М., 2002) В.Н. Ионченков вспоминает о Чернове: «Заслуженный артист РСФСР Юрий Валерианович Чернов – замечательный гитарист и инструментовщик. Значителен его вклад в создание репертуара для русского оркестра, интересной была его жизнь. На даче в Барвихе он много рассказывал мне о Максаковой, Лемешеве, Пирогове... Я был поражён широким кругозором музыканта, его своеобразным пониманием окружающей действительности. Как гитарист он аккомпанировал в концертах многим выдающимся певцам. Как инструментовщик и аранжировщик Чернов оставил после себя большое количество произведений, переложений сочинений композиторов-классиков для русского оркестра, сделанных настолько умело, что народные инструменты поднялись в своём развитии на более высокую ступень. «Славянские танцы» Дворжака, «Венгерские танцы» Брамса, «Танец с саблями» Хачатуряна, «Богатырские ворота» Мусоргского, «Кикимора» и «Волшебное озеро» Лядова... Стоит лишь заглянуть в нотную библиотеку Оркестра имени Осипова, чтобы понять и по достоинству оценить вклад Юрия Валериановича. Были у него авторские сочинения. С большим успехом оркестр исполнял в концертах и записал на грампластинку «Фантазию» Ю. Чернова на темы песен Т. Хренникова из кинофильма «Свинарка и пастух». В поездках он играл мне свои концертные пьесы, сочинённые для гитары. В последние годы своей жизни Ю.В. Чернов много выступал как гитарист в дуэте с М.Ф. Рожковым».

делал это. Например, Барсова послезавтра поёт с оркестром концерт, и её программу нужно инструментовать для оркестра Осипова. И Чернов делает это в одну ночь. Вторую ночь работает переписчик партий, и наутро на пультах лежит готовая программа. Вот так.

— Вы, наверное, стали с ним играть, потому что он блестящий инструментовщик?

— У меня было безвыходное положение. Я помню, одного гитариста умолял сыграть со мной. Правительственный концерт, я во Дворце Съездов играю. Всё искал, кто бы мог заменить Миняева. Были всякие гитаристы, хорошие и плохие.

Супруга Ю.В. Чернова Екатерина Чернова:²⁶

На своём шестидесятилетнем юбилее в 1978 году Михаил Фёдорович играл с фортепиано и с баяном. А я ещё помнила, как страшно мне нравился его дуэт с гитаристом Миняевым. Ведь когда он играет с гитарой, то получается один особенный, совершенно неповторимый, общий инструмент.

Через некоторое время я узнала, что он не против попробовать поиграть с Юрием Валериановичем. А я знала, что Рожков — такая знаменитость! Сложный, капризный человек, с которым трудно иметь дело. Он только что отверг, как говорили, 18 гитаристов, потому что никто ему не нравился.

Однако они стали вместе работать. И как это было интересно! Они вообще часто спорили, иногда обижались друг на друга. Но прожили бок о бок двадцать лет. За это время Михаил Фёдорович очень менялся, становился все интереснее и лучше.

Я помню, как мы с мамой в 1958–59 году были на сборном концерте, и мама первый раз услышала Рожкова. Он играл с фортепиано что-то классическое. И вдруг она говорит: «Слушай, это же невероятно! Как это интересно звучит на балалайке! Какой же он молодец!.. Но почему же он такой хмурый? Почему он такой напряжённый?»

Когда Рожков и Чернов первый раз поехали на гастроли, я их провожала на Курском вокзале. И я, в общем, к нему приглядываюсь, приглядываюсь к его личику... А у него чутьё-то собачье, кто что думает, кто что чувствует. Вдруг он мне говорит: «Что? Морда бандитская?» А я рот раскрыла... И он как на весь вокзал чего-то заорал! Такая морда стала! Тут я убедилась, что он, конечно, прекрасный актер. И вообще, за время, пока мы бывали вместе, он

²⁶ Интервью записано Н.И. Рожковой 1 октября 2000 года.

меня часто поражал своими необыкновенными способностями.

Но случилось так, что мой муж из-за плохого зрения уже не мог выступать с Михаилом Федотовичем, и мы долго не виделись. И вот, примерно в 1998 году, после выступления в ЦДРИ он с Надеждой Ивановной приезжает к нам на дачу. Я знаю, какой он: меня в нем иногда что-то раздражало, а тут приезжает обаятельный, красивый, молодой... Какие восемьдесят? Ещё неполных шестьдесят лет! В шортиках, лицо всё сияет, улыбка, глаза — и с ним Надежда Ивановна. Просто кавалер! И ещё читает великолепно Пушкина, «Графа Нулина» с первой до последней строчки! Да так читает, что вообще ещё неизвестно, кем ему надо было быть, тещом или балалаечником. Чудеса!

Балалайка С. Налимова

— Насколько я знаю, у вас была балалайка мастера С.И. Налимова. Расскажите о ней.

— Да, была. В балалаечном оркестре я служил вместе с гусяром Семечкиным. Мы с ним дружили. Когда он умирал, он лежал в больнице, и я принёс ему водку туда. Его палата была на первом этаже, я стоял у окошечка, и мы с ним выпивали. Он говорит: «Мишенька, принеси обязательно, я тоскую тут». И я приносил, я его очень любил.

Он на балалайке играл тоже здорово. А как он играл в оркестре на клавишных гусях — это была поэма! Он гулял по гусям как хотел: и пальцами, и медиатором, — музыкант был выдающийся! Семечкин — это явление было удивительное!

На Дальнем Востоке какой он номер выкинул: перед концертом напился. Открывается занавес, выходит дирижёр (это был Куликов), и началась оркестровая фантазия. Дошла очередь до Семечкина, — а он в дымину пьяный! И как он начал гулять по гусям! Причем здорово! И зал замер, и оркестр замер. А он сидит наверху, виден очень хорошо, на него прожекторы навели. Дирижёр обалдевший стоит... Семечкин остановился, посмотрел вокруг... гусли звучат... увидел в зале старшину, и давай ещё! И никак дирижёр не может продолжить, ждёт, пока он закончит. Прибежал комиссар из зала. Семечкин вдруг увидел комиссара, сделал паузу и дал возможность дирижёру включить оркестр. Конечно, нагоняй ему потом был хороший, а в зрительном зале было большое недоумение: никто такой каденции на несколько минут никогда не слышал. Но аплодировали очень сильно!

Я был у него дома, но не знал, что он имеет налимовскую балалайку. Вскоре он умер, а ко мне домой пришла его жена с балалайкой и сказала, что он

мне завещал эту балалайку. Серебряное звучание первой струны, но слабенькое. Панцирь врезной, это ещё слабее делает звучание. Короче говоря, мне этот инструмент показался неудачным. Красивая балалайка, но только для игры в комнате. Моя балалайка Соцкого кричит, а это очень важно. Я с фортепиано играю, и мне нужно, чтобы моя балалайка равноценно звучала. Часто ведь только рояль слышно.

В общем, она мне не очень по рукам пришлась, но висела у меня год-два. Потом я поехал с женой на Украину и там познакомился с Евгением Тростянским. Молодой парень, высокий, красивый... Играл на рояле, на балалайке прекрасно играл. Он мне дал кассету, где были записаны его 5–6 пьес в авторском исполнении. Я послушал и сказал ему: «Мне очень нравится ваша музыка, ваша игра. Дайте мне ноты. Я обещаю вам, что через два года вы услышите на пластинке, как звучат ваши пьесы». И я сдержал своё слово. Мне было 70 лет, но я сидел как проклятый, выучил его пьесы и записал их с оркестром Гридина на радио. А потом эту запись взяла фирма «Мелодия», и вышла пластинка. После этого Тростянского стали играть все балалаечники.

Программа с ансамблем «Россия» (1988)

— Прекрасно помню, какое сильное впечатление эта пластинка произвела на меня в детстве. Я был в восторге и от музыки, и от вашего исполнения, и от звучания ансамбля. Особенно мне понравились сочинения Е. Тростянского: «Ноктюрн», «Гротеск и размышление» и «Кадриль», от прослушивания которых было трудно оторваться. Расскажите о вашем сотрудничестве с ансамблем «Россия».

— Ансамбль «Россия» был создан моими друзьями — певицей Людмилой Зыкиной и баянистом Виктором Гридиным. Поэтому помогать коллективу я начал ещё в семидесятых годах. А пластинка была записана в 1988 году, к пятидесятилетию моей творческой деятельности.

Народный артист РФ В.С. Красноярцев:²⁷

Я знаю Михаила Федотовича Рожкова уже больше тридцати лет. Первая встреча у нас произошла в 1976 году, когда я работал в оркестре «Боян». Михаил Федотович солировал, он исполнял с нами «Заиграй, моя вольнка» в обработке Трояновского и вальс Андреева «Фавн».

С 1982 года я работаю в ансамбле «Россия», с которым

²⁷ Беседа автора книги с В.С. Красноярцевым состоялась 3 мая 2006 года.

у Михаила Федотовича было много записей. Играл на домре как концертмейстер этого коллектива и в то же время инструментовал. В данном случае я инструментовал «Польку-мазурку» Андреева, которую он записал на пластинку. Конечно, эти встречи с выдающимся исполнителем на балалайке М.Ф. Рожковым и сама творческая атмосфера были удивительными. Все репетиции характеризовались лёгким отношением между дирижёром, оркестром и солистом и в то же время большой ответственностью, собранностью и строгостью в отношении характера исполнения произведений, динамических и штриховых моментов. Михаил Федотович очень требовательно относился к оркестровому сопровождению, он останавливал дирижёра: «Виктор Фёдорович, подождите, группа аккомпанемента играет не так». Он брал, например, балалайку секунду и показывал, как надо исполнять. А Виктор Фёдорович Гридин — это человек, который с полуслова сразу всё понимал.

Помимо записи пластинки на фирме «Мелодия» нами были сделаны телевизионные и радиопередачи «Играет Михаил Рожков», которые часто транслировались. И, конечно, он с нами в концертах выступал. Дружба наша сохранилась до сих пор: он приходит к нам в ансамбль «Россия», мы с ним встречаемся в концертах, учимся у него и радуемся каждой встрече с ним.

Недавно наш ансамбль выступал в Зале церковных Соборов Храма Христа Спасителя, и Михаил Федотович тоже играл с гитарой. Он, когда разыгрывался за сценой, говорил: «Ты посмотри, я всё время играю, работаю над звуком, техникой». Поэтому его исполнительство с годами становится мудрее, совершеннее. Его мастерство удивительно, и все его пожелания, все его заметки в отношении исполнительства точны и профессиональны, безусловно, они имеют огромное значение для музыкантов-исполнителей.

— Когда приехал Тростянский в Москву, я ему устроил встречу в малом зале ЦДРИ, собрал всех балалаечников. Он играл свои пьесы. Баянист С. Гринченко приезжал тоже, и они вместе играли. Но инструмент у Тростянского был ужасный. И я ему сказал: «Тростянский, я полюбил тебя. У меня висит балалайка Налимова. Возьми её и играй на ней, что ты на такой плохой играешь! Конечно, это не лучший вариант, но всё-таки Налим. Ты играй, пока у тебя не появится инструмент хороший». И он уехал на Украину с этой балалайкой.

Он умер после аварии на Чернобыльской атомной электростанции. Некоторые артисты Киевской филармонии ездили на Чернобыль давать концерты для сотрудников. Ликвидаторов последствий аварии кормили хорошо

и давали им концерты. Тростянский туда ездил несколько раз и, очевидно, облудился. Он мне говорил: «Я, как патриот, должен...»

Он ездил и в Америку с моей балалайкой. Я не знаю, как жена после его смерти распорядилась и где балалайка была, но что эту балалайку изуродовали — это факт. Как её изуродовали! Если инструмент Налимова попадает исполнителю в руки, то это для него святыня! Страдивари! Гварнери! Амати!

А они балалайку изуродовали! Когда я узнал, что она в таком состоянии, я дал команду любой ценой привезти её в Москву. Оставил 500 долларов его жене, только чтобы получить эту балалайку обратно. И она оказалась у меня снова. Я принес её мастеру В.В. Гребенникову и попросил привести её в божеский вид, восстановить в первоизданном виде. После этого он купил её у меня.

А недавно я вдруг узнаю из литературы, которая сопровождала фестиваль «Созвездие мастеров», что от Рожкова эта балалайка перешла к шведу. Для меня это оскорбление! Я иностранцу не продавал Налима, это наше государственное достояние.

Я это специально рассказываю тебе, потому что, когда меня не будет, твоя книга будет читаться. У меня честное имя, я его зарабатывал всю жизнь. Я 70 лет на балалайке играю!

«Из репертуара М. Рожкова» (1997–1998)

— В 1997–1998 годах вышли три сборника вашего репертуара для балалайки и гитары, составленные одним из ваших гитаристов — А. Шумидубом. Это был первый случай издания нотной серии для дуэта такого состава, и ваши ноты пользуются заслуженной популярностью у исполнителей.

— Я счастлив, что то, чем жил и живу, не исчезнет бесследно. Издать эти сборники оказалось не так просто: первый выпуск был издан Александром на мои собственные деньги, второй увидел свет благодаря губернатору и банкирам Ярославля, а третий нашёл спонсорскую поддержку нижегородских друзей-предпринимателей... Этот репертуар меня кормил. Пусть теперь кормит других.

— Основу этих сборников составляют популярные советские песни. Некоторые балалаечники считают такой репертуар примитивным, хотя «спеть» эти песни на балалайке так же проникновенно и выразительно, как вы, никто не может.

— Я учился у вокалистов петь, ходил в хоры старшие и младшие, ходил в класс к Дицзурабову, у которого занималась Вишневецкая. У него итальянская школа. И вот я этот вокал переношу на балалайку. Надо учиться у вокалистов.

У пианистов — тем более. У них клавиши поют! Как это получается, долго не мог понять, пока сам не стал более-менее на фортепиано играть. У скрипачей — понятно. Когда я слушал Л. Когана — я с ума сходил от радости. Это чудо!²⁸

А с пианистами я работаю, они меня многому учили. Пианистическая культура высокая, куда нам — балалаечникам! Я всем балалаечникам говорю: овладейте фортепиано, ищите всё-таки время для занятий. Это наше слабое место. Я любил дирижирование, у меня это получалось хорошо, но мне не хватало пианистической культуры. Надо же читать партитуру! Поэтому, когда меня приглашали руководить ансамблями, я думал: «О, нет, у меня нет рояля в руках, меня всегда упрекнул в этом».

— Тем не менее, в 50-х годах вы несколько лет успешно руководили эстрадным ансамблем Москонцерта! И жалко, что в книге нельзя воспроизвести, как во время одной из наших прошлых встреч вы спели популярную советскую песню «На просторах Родины чудесной» Блантера и прекрасно аккомпанировали себе на фортепиано.

— Я всю жизнь нормально воспринимал дружеские советы других музыкантов. Я ведь дробь учился играть у Леонида Владимирова — был такой балалаечник в оркестре ансамбля «Берёзка», у Бориса Феоктистова — вибрированному тремоло, у Павла Нечепоренко — вибрато за подставкой, у Евгения Блинова учился густому наполненному тремоло. А как здорово Хаврошин играл искусственные флажолеты в «Тройке» Будашкина! Это ведь он первый стал их играть, а не кто-то другой.²⁹

— Я уверен, что и у вас многие балалаечники учились и продолжают учиться.

— У меня свои особенности в исполнении, которые хотят перенять балалаечники. Например, однажды, будучи во Франции, я познакомился с внуком полковника Генштаба русской армии Свистунова. Этот молодой человек родился уже за границей, но ему дорого всё, что связано с Россией. И он попросил меня научить его игре на балалайке. Он приходил по утрам до службы в банке и вечерами после работы. И так было всякий раз, когда я приезжал во Францию. Случилось, например, что он взял отпуск и целый месяц ездил за ансамблем, с которым я выступал.³⁰

²⁸ Фильм «Жизнь прекрасна». Режиссёр В. Орехов. // Киновидеостудия «Юность», 2003.

²⁹ «Диалоги. Михаил Рожков – Валерий Петров» // Журнал «Народник».

³⁰ М. Марутян. «Им восторгаются даже коллеги» // Газета «Труд-7», 9 июля 1999.

В Лондоне у меня тоже есть ученик, которого зовут Бибс Эккель. Он взял мои три пластинки, изучил их, записал те же пьесы и прислал их мне в Москву. А когда я после этого приехал с бригадой на гастроли в Англию, он показывал мне Лондон. Я спросил его, в какой студии он делал свои записи. И Бибс показал мне какой-то чулан под лестницей, где он записал эти пластинки.

— Он хорошо играет?

— Да, он прекрасный балалаечник!³¹

— Как к вам относятся русские исполнители на балалайке?

— Не так давно в 2 часа ночи меня разбудил телефонный звонок, и один известный молодой балалаечник говорит: «Михаил Федотович, извините, я немного выпил, но хочу вам сказать, что вы — самый лучший балалаечник в мире!»

Заслуженный артист России В.Г. Агафонов:

В конце 1990-х годов в Театре имени Вахтангова мой друг, режиссер Александр Горбань осуществлял постановку спектакля «Левша» по повести Николая Лескова. Он очень долго не мог подобрать музыку к своему спектаклю. В судьбе талантливого умельца — Левши — одновременно переплетается и трагическое, и комическое. Но когда я дал Александру диск Михаила Рожкова — он довольно быстро позвонил мне:

— Ты знаешь, я нашел там совершенно гениальную вещь!

Это была пьеса «Гротеск и размышление» Евгения Тростянского. Ее автор, как и Левша, был очень талантлив и погиб в молодости. В исполнении этого сочинения Михаилом Рожковым Горбань услышал и размышления о трагических судьбах талантливых людей в России, и гротеск безудержного веселья, — перепад, очень характерный для русского характера.

Во время записи этой пьесы Рожкову было уже 70 лет. А играл он в таком сумасшедшем темпе, с такой невероятной энергией! Он передал всю глубину русской души. Эта музыка стала лейтмотивом спектакля.

Ансамбль народных инструментов города Ярославля «Золотые купола», которым я руковожу, трижды становился лауреатом конкурса имени Михаила Рожкова. После одного из конкурсов мы с Михаилом Федотовичем гуляли по городу. Он

³¹ В своей книге «May bay's complete balalaika book» Бибс Эккель приводит «4 упражнения для развития быстроты, аккуратности пиццикато. Основаны автором на любимых упражнениях Михаила Рожкова — балалаечного виртуоза, прославленного превосходной скоростью и чистой его игры пиццикато. Играть от начала до конца, используя каждый вариант аппликатуры, акцентировать различные ноты по образцу...». U.S.A., Mel Bay Publications, 1997 (на англ. языке).

показывал мне старые районы Нижнего Новгорода, вспоминал эти улочки. Была зимняя рождественская ночь, падал снег. Мы с ним шли по пустынным улицам, и у него романтическое настроение было. Михаила Федотовича отличает тонкость души, которая потом выливается в тонкость исполнения. Поэтому он играет так, как никто не может сыграть.

Я знаю Михаила Рожкова уже много лет, и для многих он является учителем во всем: в отношении к своей профессии (он не выпускает балалайку из рук!), к сцене, где не может быть мелочей, я уже не говорю об исполнении музыки, особенно русской. Михаил Федотович почти никогда не занимался педагогической деятельностью. Но, несмотря на это, многие музыканты, в том числе и я, считают его великим педагогом.

Балалайка и классика

— Как вы считаете, нужно ли исполнять на балалайке классическую музыку?

— Я тебе хочу сказать, что балалайка — это самый благодарный инструмент, но только если показать её правильно: не делать из неё ни Баха, ни Моцарта. Поэтому, когда я приезжаю в колхоз, в интернат, там идут выигрышные пьесы: волнующие, озорные, конкретно бьющие по чувствам. Я играл, вводил в концерт крупную форму — два хлопка! А как заиграют любимые мелодии наших советских композиторов — совсем другое дело.

— Но вы же играете классику! «Танец с саблями» Хачатуряна, «Пассакалию» Генделя... Значит, вы просто более строго, чем другие балалаечники, выбираете, что играть?

— Если уж берёшь классику, бери такое произведение, которое на балалайке звучит лучше, чем на подлинном инструменте. И очень важно, как пьеса построена.

— Действительно, «Пассакалия» в вашем исполнении более доступна для массового слушателя, чем в традиционном переложении Н. Осипова. Вы играете её без повторов, в более подвижном темпе, более свободно, чем она обычно звучит.

— Я считаю, что классика вовсе не нуждается в популяризации средствами народных инструментов — у неё есть достаточно много своих совершенных исполнителей, играющих на тех инструментах, для которых и написаны эти произведения. Обращаясь к классике, мы должны прежде всего думать об обогащении палитры звучания наших инструментов, беспокоиться о сохранении авторитета народных инструментов. Они вовсе не «вторичны»! Ведь у той же

балалайки есть свои неоспоримые козыри, свои преимущества — так используйте их! Играйте мелодии, близкие природе, природе своего инструмента — и люди получат огромное удовольствие.³²

Профессор МАТИ (1998)

— Как вы стали профессором Гуманитарного факультета Московского авиационно-технического института (теперь академии) имени К.Э. Циолковского?

— Этот институт однажды пригласил меня выступить на празднике начала нового учебного года. Я не мог отказать, ведь этот институт когда-то окончил мой сын. С тех пор меня по просьбе студентов приглашают на все важные мероприятия, и в конце концов мне выдали диплом профессора МАТИ. Так что я ещё и профессор..

Этот диплом я храню на самом почётном месте. Он убеждает меня, что и завтрашняя наша интеллигенция, даже «технари», не забудут балалайку.

— В 2001 году состоялся I Нижегородский открытый конкурс юных исполнителей на балалайке и ансамблей народных инструментов имени М.Ф. Рожкова. В 2004 году прошёл второй конкурс, уже получивший статус Международного, в 2007-м — третий. Для молодых, начинающих балалаечников вы давно являетесь путеводной звездой, примером для подражания. А как вы видите будущее балалайки и народных инструментов?

— Честно говоря, у меня большая тревога за будущее балалайки. Ещё очень много среди балалаечников людей небольшой выучки. Некоторые играют плохо по старческой причине, другие — потому что сидят на нескольких стульях сразу и не имеют возможности заниматься. Выросла целая армия балалаечников, у которых нет звука... А как они искусственные флажолеты играют? Забираются далеко наверх — там же не слышно ничего! Я все искусственные флажолеты заменил натуральными.

А больше всего меня беспокоит то, что многие исполнители настолько серьёзно заиграли на балалайке, что она перестала быть балалайкой — инструментом с особенным тембром, звучанием, с озорством. Вот почему, когда выступаю я, зрительный зал порой встаёт? Да я их поднимаю! А многие играют так академически, что тошно, скучно делается.

Балалайка создана для проникновенного звучания. Я так радуюсь, когда вижу плачущих женщин во время своей игры! Или когда радуются люди! Мне так приятно, что я всё-таки до их сердец достал!

³² «Три встречи с балалайкой» // Журнал «Клуб» №13, 1980.

— Михаил Федотович, раскройте секрет вашего крепкого здоровья и долголетия. Как вам удаётся многие годы сохранять концертную форму?

— Моя задача сейчас — схватить за хвост идущее мимо время и, уцепившись за этот хвост, ползти вместе с ним. Я делаю всё для того, чтобы удержать балалайку в руках, поэтому придерживаюсь военной дисциплины, не трачу время на пустяки. Регулярно делаю зарядку, для чего оборудовал у себя на балконе мини-стадион. Стараюсь не переедать, не перепивать. Обязательно стремлюсь выполнить свою норму сна, даже днём, если поздно задержусь на концерте.

В спорте я прежде всего признаю именно те виды, которые помогают сохранить профессиональную форму. Люблю велосипед, лыжи, бассейн. Люблю просто гулять, ходить пешком. Ты не гулял со мной в парке? Вот, пойдёшь гулять. Это стадион «Локомотив», а рядом детский парк. Я там гуляю. Потом выхожу на берег озера, через заборчик пролезаю и берегом озера возвращаюсь домой. Это всё отнимает полтора-два часа. А на ногах походить полтора-два часа — это очень полезно!

— Почему, когда вы ехали в санаторий, везли с собой лыжные палки, а лыжи не взяли?

— Когда я хожу с палками, то руки сгибаю-разгибаю. Сколько раз за время прогулки, трудно сосчитать. Получается одновременно зарядка для ног, рук, сердца, лёгких.

Спорт в нашем деле имеет огромное значение. С ранних лет я до поздней осени купаюсь в холодной воде, а зимой — в бассейне. В молодости я увлекался греблей, байдаркой. Люблю играть в бадминтон, потому что он распрямляет спину. Ведь мы, балалаечники, играем согнувшись, грудь зажата. Поэтому я и велосипед свой реконструировал — поднял руль, увеличил шестерню заднего колеса. Очень люблю ездить на велосипеде стоя — всё то же стремление распрямиться, отдохнуть от привычного положения.

Здоровье каждого человека в его собственных руках. Поэтому не знаю, когда придёт конец игре. Наверное, с концом жизни моей, не раньше. Каждый вечер я массирую и парю руки. Кипяток такой, что еле терплю. В баню хожу обязательно по вторникам, там ещё парю руки. Побаливают пальчики уже. Ну, потрудились всё-таки, сколько было игры!

***Заслуженный деятель искусств РФ,
академик Российской Академии Кинематографических искусств «Ника» В.В. Орехов:***³³

Я режиссёр неигрового кино, и я использую музыку в своих

³³ Беседа автора книги с В.В. Ореховым состоялась 11 марта 2007 года.

фильмах. Обычно мы пользуемся фонотекой Всесоюзного дома звукозаписи. Не раз я использовал в фильмах звучание балалайки М.Ф. Рожкова, но знал этого знаменитого музыканта только по его записям.

Когда я в 1984 году начал снимать фильм о художнике А.И. Морозове, мой герой тоже на балалайке играл. У Морозова была уникальная балалайка. Он мне рассказывал, что Рожков просил её продать. Но Морозов — человек с характером, и он её не продал. Уже в те годы я думал, что этого знаменитого Рожкова давно в живых нет, потому что Морозов вспоминал о встрече с ним в далёком прошлом — где-то в 1940-х — начале 50-х годов.

Вдруг меня пригласили приятели на концерт Рожкова в подмосковном городе Ивантеевка. Это было, кажется, в 2002 году. Я, конечно, помчался туда. Концерт был в клубе «Первое Мая». Большой очень зал, народу полно. Видно, они дали рекламу. Михаил Федотович выступал со своей женой Надеждой Ивановной. Дивно они выступили! Я сразу загорелся сделать фильм о нём. После концерта друзья познакомили меня с музыкантом. Мы поговорили, Рожков пригласил нас на следующий концерт в музее Ф.И. Шаляпина. После концерта мы были у Рожковых в гостях. Постепенно у нас начала складываться дружба, обоюдная симпатия. Михаил Федотович согласился на съёмки, через Гускино я подал заявку, и там дали добро.

Перед этим мне вручали звание заслуженного деятеля искусств, и я Рожкову случайно об этом сказал. Вдруг они приехали на эту церемонию. По морозу, с балалайкой! Холод-колотун на улице! У меня просто шок! Михаил Федотович говорит: «Я бы хотел сыграть в честь события». А я не знаю: вроде это серьёзное мероприятие, в зале знаменитые режиссёры, руководство, после награждения должна начаться коллегия министерства культуры... Я в растерянности. Подошёл к заместителю министра, объяснил ситуацию, разрешение получил, и они несколько номеров сыграли. Они выдали, как всегда! Рожков как Бог играл! Такой в зале ажиотаж был!

Потом начали снимать фильм «Жизнь прекрасна» о М.Ф. Рожкове, ездили на его родину, в деревню Крюковка Нижегородской области. Он всё время с балалайкой там был! В доме деревенском снимали. Ещё снимали в Красногорском районе, на даче его знакомых. Фильм вышел на киновидеостудии «Юность» в 2003 году.

Почему я стал снимать фильм о Михаиле Федотовиче? В каждом фильме я ищу конфликт. Меня влекут сильные характеры, которые противостоят ударам судьбы. Например,

деревенский мастер Н.И. Иванов прошёл в своей жизни через 17 лет тюрьмы, но остался добрым и светлым человеком. К.И. Чижевская после тяжёлой операции уехала из города, стала заниматься сельским хозяйством, и её болезнь отступила. У Рожкова внешняя сторона более-менее благополучная: он — первая балалайка мира, ему поклоняются известные музыканты... Но в настоящее время у него началась борьба мастерства и виртуозности с возрастом: ему надо всеми силами удерживать балалайку в руках. Как пересилить, как одолеть свой возраст? Не щадя себя, Михаил Федотович стал заниматься гимнастикой, массажем, плаванием, зимой кататься на лыжах, летом — на велосипеде. Он ежедневно выходит на балкон и делает всякие физкультурные упражнения. Бесконечный физический тренаж и бесконечные занятия на инструменте! Вся его жизнь — в балалайке, в музыке. И, если пальцы перестают слушаться, нужно ещё больше тренироваться: например, не три, а пять часов. Он практически не выпускает балалайку из рук, и это даёт замечательный результат.

Германия (2006)

— Расскажите о вашей последней поездке в Германию. Где вы были?

— Сбылась моя мечта: побывать в Баден-Бадене, где проигрывали свои миллионы наши писатели. Достоевский на коленях стоял, выпрашивал у своей жены её ценности, чтобы их заложить в ломбард. Они заражались этой игрой, болели ею, как алкоголики. Вот в этом вся сложность. Меня интересовало, что это за игровой дом, в котором такое унижение испытывали наши великие писатели.

Сейчас всё проверяют очень, чтобы взрыва не было. Правильно, террористы не посчитаются с тем, насколько это уникальное здание...

— Там до сих пор играют?

— Играют по-настоящему, и какие деньги проигрывают! Страшное дело! Там много столов.

— Вы не попробовали сыграть?

— Нет. Нужно поменять, предположим, тысячу рублей на жетоны, и садись. Потом, надо правила знать, а я их не знал. Да и не хотелось, времени у нас не было. Мы пришли, внимательно посмотрели все залы, все картины. Это же интереснее, чем сыграть.

— Там проводятся экскурсии?

— Нет, мы приходим, попросим — и нам расскажут. Потом учти, что там половина населения — русские.

— Наверное, в основном для них вы и выступали?

— Не только. Мы, например, давали концерт в Доме ветеранов. А кто такие ветераны? Это фашисты. Я против них воевал, а сейчас я им играю концерт, и они в восторге от моего искусства. Мы играли для них бесплатно, но они устроили нам шикарный банкет и подарили мне красивый смокинг. Когда я надел — я обалдел!

Пять концертов мы давали. На следующем концерте в Баден-Бадене публика не хотела расходиться, начали песни петь русские. Там собрались патриоты российские. Был очень интересный концерт. Другой концерт был в кирхе. Народу собралось!

— Хорошо было в кирхе играть?

— Звучало! Без микрофона звучит здорово.

— Это же большое помещение, народу, наверное, много собралось.

— Да. Это в центре Баден-Бадена, кругом одни отели. Деревья хорошие: пихты, кедры... Фонтаны, балконы — и всё в цветах. Очень красивое место, поэтому туда русские люди и уезжали. Надо прочитать о Баден-Бадене, у меня есть книжка.

— На концертах вы, наверное, не только играли, но ещё и рассказывали?

— Там была старушка-объявляльщица. Она вела концерт и давала свои комментарии. Вначале скромненько, а потом увидела концерт и начала от себя добавлять свои оущения.

— Ещё вы где-то были, кроме Баден-Бадена?

— Представляешь, здесь лощина, а в гору идёт лес, который называется Шварцвальд — Чёрный лес. А наверху — замок. Вдоль дороги или леса идут или сплошные виноградники: здесь делают Рейнское вино (недалеко река Рейн течёт). Ровная, зеркальная дорога, и по ней мы едем со скоростью 150 км/ч. Я ездил в прошлой поездке в Германию в металлургический центр. Там меня возила женщина-шофер. Садимся — и сразу 160 км/ч! Я говорю:

— Почему всё время 160 километров?

— А я привыкла так. Я всю жизнь езжу со скоростью 160 км/ч.

— Может, они все так ездят?

— Вот шоссе. Здесь полоса только грузовых. Здесь пассажирские крупные. Здесь только машины со скоростью 100 км. Здесь — 160 км. Всё! И попробуй только нарушить — штрафы там большие, на этот штраф полмашины можно купить. Поэтому там аккуратненько ездят.

Слушают концерты хорошо. Помню, в Гагенау я давал концерт, очень хорошо приняли. Тогда я взял и добавил три вариации Паганини. Неожиданно, с остервенением таким — здорово! После этого мне сказали, что хорошо бы в Париже дать концерт. Я ответил, что всю жизнь мечтаю приехать с сольным концертом в этот город.

***Супруга и аккомпаниатор Михаила Федотовича,
искусствовед Н.И. Рожкова:***

В Париже мы встретились с русскими людьми, внуками русских первой волны эмиграции. До сих пор они скромно и упорно тянут лямку служения своей русской Родине, её культуре. Каждую среду они собираются, отмечают общие даты, читают русские стихи и готовят концерты, не приносящие им дохода. Эти среды у Николая Бебутова напомнили нам встречи русской интеллигенции в Абрамцево у такого же энтузиаста Саввы Мамонтова.

В один чудесный вечер Николай Бебутов вёл к машине Михаила Федотовича, трогательно обняв его за плечи. Было тепло. Наклонив друг к другу головки, слегка одурманенные вином, они так шли себе обнявшись, и Николай говорил: «Михаил Федотович! Вы для нас знаете кто?.. Вы — наше балалаечное Евангелие!» Михаил Федотович согласно кивал в ответ: «Да-а, да... В Англии я тоже был».

Франция (2006)

— Чем вам запомнился Париж?

— Там нас ждало открытие — балалаечный оркестр под управлением Петра Жакэ. Удивительно то, что желание Андреева видеть в созданном им оркестре только струнные инструменты исполнилось не в России, а во Франции, только ещё в более чистом виде: оркестр Петра Жакэ состоит из одних балалаек. И, что интересно, оркестранты оказались с нами в одном самолёте по пути в Париж, поэтому общение наше началось прямо в воздухе.

Именно Пётр Жакэ был тем человеком, который взял на себя организацию моего концерта в Русской консерватории имени Рахманинова в Париже. И что он придумал: пришёл я на репетицию, вижу — он тащит на сцену какие-то ящики. Я ему: «Зачем это?» А он отвечает: «Михаил Федотович! Мы хотим вас вознести над публикой, поднять сцену ещё выше».

Итак, я восседал на огромном куске оргалита, под которым был разостлан ковер. Когда я воспротивился этому ковру, они всё равно умудрились как-то его устроить, чтобы он был. По-моему, это была чья-то дамская идея. В конце концов я перестал возражать. Потом мы хохотали над тем, что это всё было похоже на трон, но их старание было очень трогательно.

Начался концерт — и я стоял на этом помосте, объявленный Петром Шереметьевым — директором Русской консерватории. Расчувствовался я от долгих аплодисментов стоявшего передо мной зала и сказал: «Откройте шторы! Хочу видеть вашу красавицу Эйфелеву башню, и пусть она слушает мою игру.

Пусть знает, что это я в 88 лет даю сольный концерт в Русской консерватории!»

И тут произошло маленькое чудо. Как только шторы были раздвинуты, горевшая ровным золотым светом башня вдруг замерцала отдельными огоньками, как будто заговорила со мной. Играть было легко, концерт полетел, как на крыльях. Надюша меня просит: «Не торопись, переводчица за тобой не успевает», — а я ей: «Ничего, пускай догоняет!» Это было тут же переведено залу — и раздалось тёплые аплодисменты.

Так нам всем было хорошо!

Заслуженный артист РФ, заслуженный деятель искусств РФ, профессор В.Б. Болдырев:

Михаил Федотович — высочайшего класса профессионал, фанат своего дела. Играл — как за душу хватал своей русской натурой, неподражаемостью. Он вырос в Нижегородчине — самой что ни на есть русской земле, и всё это в его игре присутствует. Он берёт своим шикарным звуком, ведь манера звукоизвлечения у него совершенно своеобразная. С технической стороны, с точки зрения профессиональных понятий, он оснащён очень здорово, и это результат его ежедневных занятий.

Благодаря Рожкову народ всего мира знает балалайку лучше. Михаил Федотович говорит: «Я сольные концерты играю редко, а в сборных концертах мне нужно, чтобы мне хлопали. Если не будут хлопать — меня не пригласят на следующий концерт». Это высказывание о многом говорит: ему нужен весь комплекс поведения на сцене, кроме игры: как он вышел, что он сказал, как он сказал, как он одет — и так далее.

На мой взгляд, «Барыню» он играет просто упомопрачительно. В конце пьесы говорит: «Жена мужа не боится, жена мужа об забор! Барыня, барыня, сударыня барыня». Мой педагог Павел Иванович Нечепоренко — исполнитель совсем другого, академического направления — очень точно, но не без сарказма охарактеризовал творчество Рожкова: «Рожковщина». Но это действительно рожковщина!

У него колоссальное эмоциональное давление на слушателя. В звуке, во всём — давление. Он до сих пор даёт сольные концерты, два года назад я был на его выступлении в Доме учёных. Иногда улыбался: «А, что там! У меня студенты играют и более сложные произведения...» Но ведь сыграть так же, как Рожков, не получается! Не хватает каких-то внутренних ресурсов у исполнителя. Мы ведь знаем, как надо играть, и любого научим, а вот не хватает чего-то! Но я ушёл с этого концерта отдохнувшим.

*Груз жизни был сброшен, как будто я в бане побывал хорошей!
Что-то такое есть у него российское, о чем говорят «умом Россию
не понять»... Даже не что-то есть, а очень многое. Конечно, он
выдающийся артист.*

Послесловие

На сцене — народный артист России Михаил Рожков. Он выходит радостный, улыбающийся. Глаза всего зала прикованы к нему, а он всем своим видом показывает, как он любит этих зрителей, как любит балалайку, искусство, жизнь... Прошедший через испытания судьбы и невзгоды, он заражает всех своим оптимизмом. Как будто дерзко бросает вызов: «Я немолод, но я выстоял, и я радуюсь жизни!»

— У меня в руках русская балалайка. Меня часто спрашивают, почему я не изменил ей и прожил с этим инструментом всю свою жизнь. В ней особая теплота. На балалайке я могу вызвать слёзы грусти и слёзы радости. В балалайке есть секрет души русского человека, в ней так много ещё непознанного, ещё нераскрытого... Я хочу поблагодарить вас за то, что вы нашли в своей жизни кусочек времени и посвятили его тоже балалайке, которую мы сегодня будем слушать.

И он начинает играть. Это «Светит месяц» — демонстрация всех технических возможностей балалайки.

— Бряцание!.. Тремоло!.. Пиццикато!..

Очень эмоционально называет он все приемы игры, вызывая улыбки в зале, никого не оставляя равнодушным. Кажется, весь зал сейчас принимает участие в его игре, переживая вместе с ним каждый новый поворот в музыке.

— Трудное место!.. А сейчас — ещё труднее!..

И с замиранием сердца все следят за мельканием его пальцев по грифу, как будто играют вместе с ним. Ни на секунду не даёт он залу заскучать.

— Ой! Глиссандо!.. Она сама играет!

Очень артистично преподносит он очередной трюк, играя вариацию одной левой рукой. Единым вихрем проносятся все вариации, оставляя после себя ореол восхищения и гордости за наш национальный инструмент — русскую балалайку.

Буря аплодисментов. Слушатели ещё только находятся под впечатлением удали и размаха народного веселья, а Рожков — уже в новом образе. Это лирическая страничка концерта, и зал постепенно затихает.

— Сейчас мы сыграем старинный русский романс «Я встретил Вас». Вы

знаете историю любви Тютчева к Амалии Лерхенфельд? Она в последнем письме так обращалась к подруге: «Милая, не стало нашего Фёдора Тютчева, да и нас не станет, но люди вечно будут помнить и повторять бессмертные строки великого русского поэта. И приписка:

Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь.
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь».

Ради, во имя любви я многое делал. Я учил концерты, учил пьесы, порой подталкиваемый чувством. Любовь движет нами...

Он начинает играть. Прикасается к струнам... Сколько оттенков человеческого чувства находит он в этой известной мелодии! То необыкновенно певуче, то с надрывом звучит в его руках балалайка.

Потом он начинает рассказывать о балалайке, об основателе Великолукского оркестра В.В. Андрееве — и его сценический образ снова меняется. Властно, с гипнотической силой артист внушает им, насколько это важно, чтобы народ знал и любил свою национальную культуру. Приводит в пример огромный успех Андреева в начале XX века и спрашивает, почему теперь люди так равнодушны к своим корням. Звучит полька-мазурка Андреева. Сколько изящества и благородства открывает в ней музыкант!

— Сегодня нет дороже сувенира, чем русская балалайка. У нас полно иностранных гостей. Они покупают русские балалайки за свои фунты, марки, йены, доллары... Всё скупили, нам теперь играть не на чем. Но главное, что они потом придут — хорошо ко мне — а вот к вам придут? Что вы будете делать? С улыбкой, пожалуйста, объясните им, что у нас на балалайке три струны, и покажите, как на ней извлекаются звуки...

Звучат эффектные миниатюры зарубежных композиторов: «Чардаш» Монти, Полька «Трик-трак» Штрауса... Рожков смело бросается навстречу «опасностям» в игре — и преодолевает их с невероятной легкостью. Слушатели убеждаются, что балалайка — инструмент с богатыми техническими возможностями, если она находится в руках профессионала.

— Братцы! Жизнь прекрасна, когда наполнена творческим, интересным, любимым трудом. Играть до 80 лет — это нелегко, но это почётно, дай Бог каждому. Жизнь у меня была трудная, но сейчас я счастлив. Я многого достиг из того, чего хотел.

И снова перед нами шутливый балагур-весельчак. Он любит свой инструмент, бахвалится своими умениями — и постоянно удивляет своих слушателей. Продолжая играть, он неожиданно запекает частушку:

Ты меня за что ударил
Балалайкой по плечу?
Я тебя за то шарахнул:
Познакомиться хочу!

Я вам должен сказать, что юмор и балалайка, народные инструменты — родные братья. Мы же произошли от скоморошества... А про себя я такие частушки пою:

Все ребята поженились —
Для меня невесты нет.
Вот хожу теперь в робятах
До семидесяти лет.
А вот в миноре, лирическая частушка:

Я на речке плаваю
Со знакомой Клавою.
А причалить не могу:
С палкой муж на берегу.
В зале хохот. Все смеются: и молодые, и старые.

— А вы почему смеётесь? — обращается он к людям среднего возраста, — вы взрослые уже!

Поразительно умение Рожкова управлять мыслями и чувствами сотен самых разных людей, собравшихся в зале. На фотографии зрительного зала во время концерта М. Рожкова, помещённой на обороте книги, вы не найдёте ни одного равнодушного лица. Музыкант сильной исполнительской воли, он уверенно ведёт за собой слушателей, и они вместе с ним переживают за концерт целую гамму эмоций.

— Подарили наши композиторы советские много чудесных мелодий. Вот одна из них, прозвучавшая в кинофильме «Тени исчезают в полдень». Оставил нам её, уходя из жизни, лётчик, израненный на войне, — Леонид Афанасьев. Бывают в жизни мелодии, которые однажды попадут в ваше сердце — и остаются в нём навсегда.

И совсем тихо добавляет:

— Просьба у меня такая: очень люблю, когда меня хорошо слушают...

После безудержного веселья его балалайка снова поёт, и зал слушает, затаив дыхание. Песня «Гляжу в озера синие» — это «визитная карточка» Рожкова, её содержание великолепно передаётся им через ряд вариаций, стремящихся к мощной кульминации. Проникновенное тремоло и порывистое вибрато, в сочетании с эмоциональным взлётом в каденции создают ощущение непосредственности этого лирического высказывания.

«Гляжу в озёра синие, в полях ромашки рву...

Зову тебя Россией, единственной зову.

Спроси-переспроси меня — милее нет земли.

Меня здесь русским именем когда-то нарекли...»

Величава наша природа, величава русская душа! Тема постепенно тает в верхнем регистре, и на последнем, затихающем звуке артист шёпотом произносит:

— Спасибо за тишину...

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Равняйся, смирно!	7
Крюковка (1918)	10
Нижний Новгород (1921)	11
Школа (1926)	12
Детский дом (1928)	13
Начало занятий музыкой	15
Музыкальный техникум им. Мусоргского (1934)	16
В.И. Домбровский	18
Глава 2. Со славой шире горизонта	21
Всесоюзный смотр (1939)	22
Ансамбль ЦДКА (1939)	22
Начало войны (1941)	24
Калинин (1941)	27
Ржев (1942)	29
Дуэт с Г. Быковым	32
Окончание войны (1945)	33
Глава 3. Бандит с балалайкой	35
Москонцерт (1946)	36
ГМПИ им. Гнесиных (1948)	38
Женитьба (1948)	40
Арест Г. Быкова (1949)	43
Окончание ГМПИ, педагогическая деятельность (1953)	45
Эстрадный оркестр Москонцерта (1953)	47
Дуэт с Г. Миняевым (1956)	48
Балалайка С. Соцкого	49
Глава 4. Паганини русской балалайки	52
Гастроли по СССР	54
Общение со слушателями	57
Отношения с коллегами	60
Л. Зыкина	63

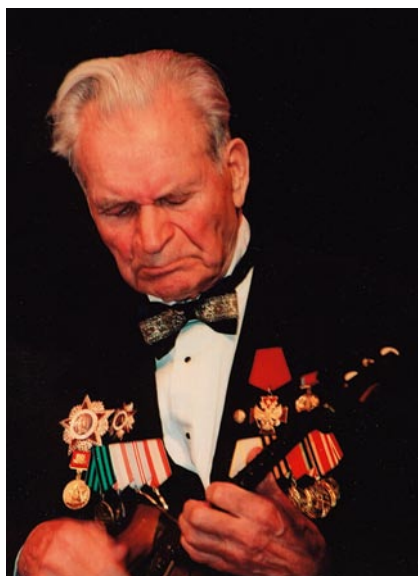
Япония (1967)	65
Встречи с иностранными артистами	66
I Всероссийский конкурс артистов эстрады (1960)	68
Заслуженный артист Якутской АССР (1964) и РСФСР (1968)	68
Народный артист РФ (1996)	69
«Простая история» (1960)	69
«А зори здесь тихие...» (1972)	71
«Русское трио» (1971)	71

Глава 5. Жизнь прекрасна	73
В. Дубовицкий и С. Сорокина (1970-е)	74
Дуэт с Ю. Черновым (1979)	75
Балалайка С. Налимова	77
Программа с ансамблем «Россия» (1988)	78
«Из репертуара М. Рожкова» (1997–1998)	80
Учителя и ученики	81
Балалайка и классика	83
Профессор МАТИ (1998)	84
Занятия спортом	85
Германия (2006)	87
Франция (2006)	89

Послесловие	91
--------------------------	----

Отпечатано в ООО «Типография «НП-Принт»,
193019, Санкт-Петербург, набережная Обводного канала, 14.

Формат издания 60x90/16. Тираж 1000 экз. Заказ № 78/1
Печать офсетная. Подписано в печать 11.12.2008 г.
Издательская палата «Молох»

*Отец М. Рожкова Федот Фёдорович с сыновьями:
Михаилом (первый слева), Константином, Глебом и Борисом. 1939 год.*

*Мать М. Рожкова
Варвара Федоровна.*

*Навсегда любимый
инструмент.*

15-летний М. Рожков — председатель 50-го отряда Пионердома (третий слева), 1933 год.

Квартет народных инструментов, организованный осенью 1933 года в Пионердоме имени Ансона. М. Рожков — второй слева.

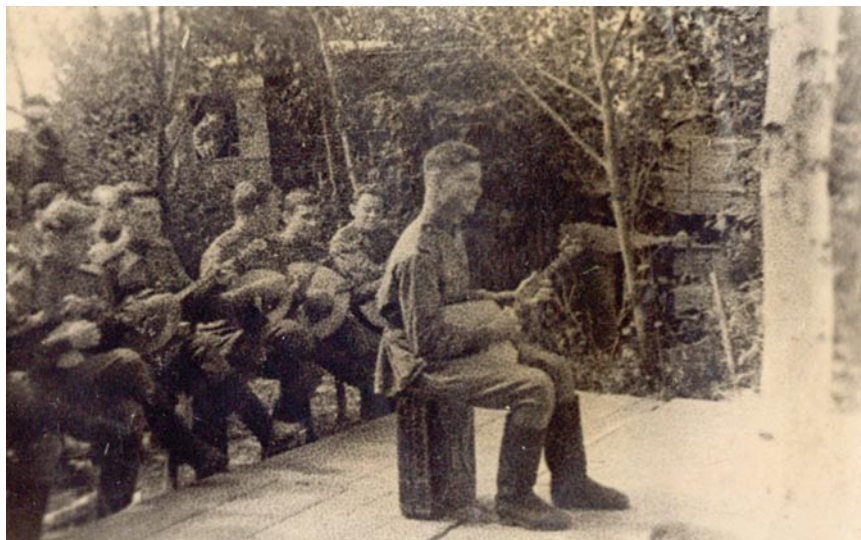
Михаилу 20 лет. Выпускник училища им. М. Мусоргского. 1938 г.

*Ван Клиберн с балалайкой М. Рожкова.
«Нет слов, как я полюбил русскую балалайку».*

Михаил – жених. Москва. 1948 год.

*Фронтной концерт. Выступает Михаил Рожков.
Вместо стула — бензобак.*

*Группа Ансамбля Прибалтийского военного округа на привале после штурма Кёнигсберга.
М. Рожков стоит второй справа. Тапиаву — предместье Риги. 1945 год.*

Фронтное фото.

*М. Рожков — музыкант ансамбля ЦДКА.
1939 год.*

М.Ф. Рожков с медалью «За боевые заслуги» после штурма Ржева. 1943 год.

Встреча с Б. Трояновским. Слева направо: Б. Трояновский, Н. Бекназаров, М. Рожков, А. Лачинов, Н. Хаврошин, Л. Владимиров, Г. Быков, Браилко, В. Дитель, Н. Лукавихин. 1947 год.

Государственный экзамен по дирижированию в ГМПИ им. Гнесиных. М. Рожков за пультом оркестра радио. 1953 год.

Оркестр народных инструментов в Пионердоме. 1933г.

Класс выдающегося педагога института им. Гнесиных П.И. Нечепоренко, М.Ф. Рожков и П.И. Нечепоренко в центре. «Вечные спорщики».

Эстрадный оркестр Москонцерта. Дирижирует М.Ф. Рожков. Крайний справа – Н.Л. Фархетдинов. 1953 год.

Геннадий Быков и Михаил Рожков. Фронтвой дуэт. 1949 г.

Георгий Милыев и Михаил Рожков. 15 лет вместе.

Михаил Рожков, Павел Нечепоренко, Евгений Блинов. 1988 год.

Николай Калинин, Михаил Рожков, Вера Городовская. 1993 год.

ГЦКЗ «Россия». Выступление М. Рожкова и Ю. Чернова на 50-летию МИРЭА, 30 июля 1997 года.

А.Б. Шалов и М.Ф. Рожков.

Михаил Федотович с первой супругой Надеждой Алексеевной.

С Леонидом Утесовым. ЦДРИ. 1975 год.

Ван Клибери берет урок игры на балалайке. 1960 год.

С Людмилой Зыкиной. 1977 год.

Герберт фон Караян с супругой (в центре), М. Рожков (справа), Г. Миняев (слева). 1962 год.

Ян Френкель, Анна Герман, Михаил Рожков.

С Евгением Вестником.

На церемонии присвоения М.Ф. Рожкову звания народного артиста РФ Б.Н. Ельциным. 21 марта 1996 года.

*Любимые люди и инструменты. Музыканты оркестра Петра Жаке.
Петр (третий слева), Мария Апрелева (вторая слева), Николай Кедров (первый справа).
Париж. 2006 год.*

*Михаил Федотович и Надежда Ивановна Рожковы.
Кинофестиваль «Золотой витязь». Челябинск. 2005 год.*

Домашняя репетиция. Париж. 2006 год.

В телеэфире

*Концерт — всегда праздник. М.Ф. Рожкову 85 лет.
Колонный зал Дома Союзов. 2003 год.*

«Афиша», созданная детской рукой, — подарок юной поклонницы. Ярославль. 2002 год.